

ЭПОХА РАННЕГО МЕТАЛЛА

А. А. Ковалев

Великая чемурчекская миграция из Франции на Алтай в начале третьего тысячелетия до н. э.

Резюме. Статья посвящена проблеме происхождения чемурчекского культурно-го феномена: группы оригинальных типов погребальных сооружений и инвентаря, появляющихся в предгорьях Монгольского Алтая не позднее середины III тысячелетия до н. э. Работы последних лет позволили детально изучить архитектуру чемурчекских курганов и существенно дополнили серию чемурчекских каменных и глиняных сосудов. Полученные данные свидетельствуют о том, что чемурчекская погребальная традиция, формы сосудов и стилистика каменных изваяний происходят от традиций, существовавших на юге Франции в 3200–2700 гг. до н. э. (дольмены Керси, анжуйские дольмены, камерные гробницы со стенками, сложенными сухой кладкой, керамика культуры Ферьер, каменные статуи группы Гар и типа Сьон-Аоста). Специфическая черта конструкции чемурчекских курганов — множественные периметральные насыпи, частично перекрывающие друг друга — восходит к множественным периметральным насыпям с фасадами мегалитических гробниц Бретани, Нормандии и Пуатье V–IV тысячелетия до н. э. Неизбежным представляется вывод о миграции древнего населения из Франции в Джунгарию в первой трети III тысячелетия до н. э. Эту миграцию можно связывать с носителями пра-тохарского языка.

Ключевые слова: ранний бронзовый век, мегалитические культуры Европы, Джунгария, Монгольский Алтай, чемурчекская культура, тохары.

Kovalev A. A. Great Chemurchek migration from France to Altai at the beginning of the IIIrd millennium B. C. The paper is devoted to the Chemurchek culture that existed on the territory of Dzhungaria and Mongolian Altai ca. 2600–1700 kyr BC. This culture appears to have a considerable number of very close analogies in the Middle and Late Neolithic of South and Western France. Numerous parallels can be seen in the construction of burial structures (overlapping perimetral cairns, burial corridors with dry stone side-walls), in the specific style of stone statues, and in the peculiar forms of vessels. In the author's opinion, such a **the** close similarity between the cultural phenomena, separated by the distance of over 6,500 kilometers, can only be explained by a migration from the west of Europe to the Mongolian Altai. The results of this research can throw light on the problem of the origin of Tokharians. The Tokharian language belongs to the western Indo-European languages and is closely related to the Proto-Germanic and Proto-Italian languages. According to the glottochronological data, it was exactly during the period under consideration that the tokharian-speaking people came from the west to the heart of Asia.

Keywords: Early Bronze Age, European Megalithic cultures, Dzhungaria, Mongolian Altai, Chemurchek culture, Tokharians.

Как уже неоднократно указывалось автором настоящего труда (Ковалев 2005: 179–181; Ковалев и др. 2008: 178–179; Ковалев 2009, Эрдэнэбаатар, Ковалев 2009: 75), погребальные сооружения чемурчекской культуры обнаруживают большое сходство с мегалитическими сооружениями Западной Европы, что позволяет выдвинуть предположение о миграции европейского населения в Джунгарию не позднее начала III тысячелетия до н. э. Тем не менее недостаточно освещенным остается вопрос о хронологическом соотношении различных видов европейских мегалитов и территориальных групп чемурчекских памятников. Корректного сравнения радиоуглеродных датировок памятников ранней бронзы Алтая и неолита Франции не проводилось; не исследовался и вопрос о том, можно ли чемурчекские погребальные конструкции рассматривать как этап постепенной эволюции западноевропейской мегалитической традиции, что, естественно, предполагает изучение таковой эволюции в самой Западной Европе. Настоящая статья имеет своей целью ликвидировать этот пробел.

Полевые исследования памятников ранней бронзы Джунгарии и Монгольского Алтая начались в первой половине 60-х гг. Вслед за разведкой Ли Чжэна 1961 г., в отчете о которой были впервые отображены различные типы погребальных сооружений бассейна Черного Иртыша и связанные с ними каменные статуи (Ли Чжэн 1962), в 1963 г. И Маньбай в долине реки Чемурчек (Чемерчек, Кэрмуци) (уезд Алтай Синьцзян-Уйгурского автономного района) раскопал десять оград с каменными ящиками, содержащими материал эпохи бронзы (Синьцзян шэхуй... 1981) (рис. 1, 2). Исследованные погребальные сооружения «могильника Кэрмуци», как и памятники, обследованные в ходе разведки 1961 г., представляют собой прямоугольные каменные ограды (до 55×25 м в плане) из вертикально установленных плит, ориентированные, как правило, длинной осью по линии восток–запад, в ряде случаев — с севера на юг (рис. 2: 1). С восточной стороны ограды (или в случае расположения ограды по оси север–юг — с южной стороны) установлены каменные статуи (рис. 2: 2–4) либо каменные столбы. Внутри ограды, по ее длинной оси, размещаются каменные ящики, сложенные из огромных плит, часто специально подтесанных; каждая такая могила, как правило, содержит останки нескольких погребенных. Каменные ящики внутри ограды, как правило, перекрыты общей земляной насыпью высотой до 1,5 м; имеются и ящики, впущенные в эту насыпь. Конструкция и планировка погребальных сооружений сегодня может быть проиллюстрирована как опубликованными материалами моих наблюдений во время поездок на Алтай в 1998 и 2008 гг. (Kovalev 2000; Ковалев 2007), так и спутниковыми снимками долины реки Чемурчек, размещенными в открытом доступе на портале «Google Earth».

В 80–90-е годы XX в. памятники этого типа в Северной Джунгарии были предметом исследований Ван Бо и Ван Линьшаня (Ван Линьшань, Ван Бо 1996); в результате визуальных наблюдений Ван Бо предпринял попытку классификации и датировки погребальных сооружений, а также различных видов каменных изваяний (Ван Бо, Ци Сяошань 1996). Ван Бо считает большинство изваяний синхронными погребениям в каменных ящиках и относит их к бронзовому веку. Однако многими исследователями все изваяния из юго-западных предгорьев Алтая относились к тюркскому времени (Debaine-Francfort 1989:

197–198), в лучшем случае — отчасти к раннему железному веку (Чэнь Гэ 1995: 38). В российской литературе «изваяния из Кэрмуци», известные по публикации 1962 г., датировались тюркским временем (Литвинский 1995: 299–300). Ю. С. Худяков относит изваяния к тому же периоду, продолжая настаивать на этом вплоть до последнего времени (Худяков 1998: 218; Худяков, Комиссаров 2002: 92–96).

Му Шуньин и Ван Минчжэ предложили датировать материал древнейших погребений «могильника Кэрмуци» 1200–700 гг. до н. э., основываясь на якобы имеющем место его сходстве с материалом «карасукской культуры» (Синьцзян шэхуй... 1985: 4). В 1993 г. Шуй Тао, имея в распоряжении лишь неадекватные рисунки сибирских материалов из монографии С. В. Киселева (Киселев 1951), также отнес каменные ящики из Кэрмуци ко второй половине II тысячелетия (XV–XII вв.) до н. э., поскольку, по его мнению, находки из Кэрмуци напоминали «андроновские» (под андроновскими имелись в виду материалы окуневской культуры, еще не выделенной во времена Киселева) и «карасукские» (Шуй Тао 2001: 29–32).

В 1996 г. Ван Бо впервые выделил особую «чемурчекскую культуру» (Ван Бо 1996). Под этим названием он подразумевал все памятники и случайные находки эпохи бронзы из Северной Джунгарии, невзирая на их очевидную разнотипность. Ван Бо, а также Чэнь Гэ, выделивший особый «тип памятников Кэрмуци», обобщенно сопоставляли найденные в «могильнике Кэрмуци» сосуды с «афанасьевской и карасукской керамикой», известной им также по старой монографии С. В. Киселева (Чэнь Гэ 1995: 36–38; Ван Бо 1996). В альбоме 1996 г. Ван Бо и Ван Линьшань сравнивают с афанасьевскими курительницу из ограды М24 (рис. 2: 8) и круглодонные сосуды из ограды М16 (рис. 2: 10, 15) (Ван Линьшань, Ван Бо 1996: 89). Ю. А. Заднепровский, В. А. Семенов, а также В. И. Молодин и С. В. Алкин на основании тех же аналогий в керамике отнесли древнейшие чемурчекские погребения к кругу афанасьевских памятников (Заднепровский 1993: 99; Семенов 1993: 26; Молодин, Алкин 1997: 38). Однако материалы из Кэрмуци очень сильно отличаются от афанасьевских, и находка глиняных сосудов, похожих на афанасьевские, в комплексах из Кэрмуци могла сказать только о культурных связях с более северными афанасьевскими племенами. Этот вывод еще до 1998 г. сделал А. В. Варенов (Варенов 1998: 60–66). Он подробно разобрал взгляды китайских и российских исследователей на проблему датировки и культурной атрибуции чемурчекских памятников, обосновал выделение особой культуры. А. В. Варенов впервые пришел к выводу об отнесении каменной литейной формы от кельта-лопатки с петелькой с рубчиками из комплекса в кургане Кэрмуци М17 (рис. 2: 11) к сейминско-турбинской общности. Хотя он, кроме того, признал, что курительница из М24 относится к афанасьевской культуре, но все же пришел к неправильному заключению о датировке «больших каменных ящиков из Кэрмуци» XIII–VIII или даже X–VIII вв. до н. э.

В 1998 г. в ходе ознакомительной поездки в долину Чемурчека мне удалось обнаружить остатки исследованных И Маньбаем сооружений и связать раскопанную И Маньбаем ограду М2 с опубликованной впервые Ван Линьшанем и Ван Бо в 1996 г. статуей «Кайнарл 2 № 2» (рис. 2: 4) (Kovalev 2000: 140–141; Ковалев 2007: 27). Это обстоятельство окончательно подтвердило мой вывод

о синхронности большинства каменных изваяний и основных погребений в каменных ящиках чемурчекских могильников, датирующихся по аналогиям в погребальном инвентаре второй половиной III — первой третью II тысячелетия до н. э. (Ковалев 1998; Kovalev 2000: 160, Ковалев 2007: 38–39), о чем было заявлено в статье, вышедшей в 2000 г. в Германии (Kovalev 2000: 150, 152, 157, 167). Кроме того, в той же статье были определены в качестве чемурчекских изображения быков с двумя ногами и S-видными рогами, а также каменный сосуд из Угловского района Алтайского края (Киришин, Симонов 1997; Киришин 2002: 58–59) и стела из окрестностей села Иня (Горный Алтай) (Кубарев 1979: 8–10, 1988: 88–90), что позволило определить пределы распространения чемурчекского населения. В статьях 1998 и 2000 гг. я впервые выдвинул предположение о том, что появление чемурчекских памятников явилось следствием миграции на Алтай древнего населения с территории Западной Европы, поскольку именно на территории последней имеются прямые аналогии чемурчекских погребальных сооружений и статуй (Ковалев 1998; Kovalev 2000: 178). Кроме того, здесь же я отверг предположение об отнесении круглодонных сосудов из ограды M16 (рис. 2: 10, 15) к афанасьевской культуре: один из этих сосудов (рис. 2: 15) находит прямые аналогии в материалах репинской культуры (веревочный орнамент, «выпуклое горло»), другой имеет эллипсоидную форму, неизвестную в афанасьевских памятниках. В «могильнике Кэрмуци» к афанасьевской культуре, на мой взгляд, несомненно относится только курильница из каменного ящика в ограде M24 (рис. 2: 8), что дает возможность синхронизировать ранние погребения могильника и афанасьевские памятники. В 2005–2009 гг. мною был опубликован ряд статей, в которых обосновывалась как ранняя датировка «могильника Кэрмуци», так и западноевропейское происхождение «чемурчекского культурного феномена» — комплекса традиций материальной культуры и погребального обряда, распространившегося в Джунгарии и на Алтае не позднее середины III тысячелетия до н. э. (Ковалев 2005; Ковалев, Эрдэнэбаатар 2007; Ковалев и др. 2008; Ковалев 2009; Kovalev, Erdenebaatar 2009; Кэвалёфу, Эрдэнэбатаэр 2009).

В 2002 г. Линь Мэйцунь, опираясь на аналогии в российском материале (используя всё те же примитивные рисунки керамики из книги Киселева), синхронизировал древнейшие погребения в «Кэрмуци» с афанасьевской культурой; в своей статье он связывает происхождение чемурчекских памятников с культурами европейских степей эпохи ранней-средней бронзы и считает появление этих памятников в Синьцзяне свидетельством проникновения сюда с запада тохароязычного населения (Линь Мэйцунь 2002).

На сегодняшний день, кроме афанасьевской курильницы из каменного ящика ограды M24 (рис. 2: 8), в погребениях «типа Кэрмуци» обнаружены еще два афанасьевских сосуда: еще одна курильница и яйцевидный сосуд, сплошь покрытые орнаментом, образованным прочерченными линиями, найдены в 2003 г. в каменном ящике с геометрической росписью в урочище Копаэргу близ деревни Ахэцзяэр уезда Бурчун (Чжан Ючжун 2005) (см. рис. 1). Эта находка получила должное освещение в российской литературе (Ковалев и др. 2008: 178–179; Ковалев, Эрдэнэбаатар 2010: 103–104). Тогда же на эту находку обратил внимание Линь Юнь, опубликовавший в 2008 г. статью с подробным разбором точек зрения китайских ученых на датировку

и атрибуцию чемурчекских памятников (Линь Юнь 2008). Ученый приходит к обоснованному выводу о синхронизации китайских чемурчекских памятников и афанасьевской культуры, называя чемурчек «одной из древнейших культур бронзового века в Китае». В то же время он датирует афанасьевскую культуру (а вслед за ней и чемурчекские памятники) 2200–1900 гг. до н. э., опираясь на устаревшие данные (радиоуглеродные датировки 60-х годов без калибровки). На сегодняшний день установлено, что афанасьевские памятники датируются не позднее первой половины III тысячелетия до н. э. Об этом в том числе говорят данные радиоуглеродного анализа, полученные по афанасьевским погребениям Среднего Енисея (Svyatko et al. 2009: fig. 7; Поляков, Святко 2009: 24–27, 47–48), а также серия дат, полученных по костям человека, древесному углю и дереву из афанасьевского кургана Кургак говь 1, раскопанного нами в Северо-Западной Монголии (Ковалев и др. 2008: 173–174, табл. 1.1). Даты по алтайским афанасьевским памятникам (если провести их калибровку) в большинстве относятся к IV тысячелетию до н. э., суммирование их (с вероятностью 94,5%) дает отрезок с XXXVIII по XXV вв. до н. э. (Грушин 2009; Кирюшин и др. 2009: 120–121; Степанова 2009: 155, табл. 1; Поляков 2010). К сожалению, профессор Линь Юнь не был знаком с российскими работами на тему датировки и атрибуции чемурчекских памятников, поэтому он не знал, что об афанасьевских параллелях российские специалисты говорили еще в начале 90-х годов, а относительно того, что чемурчекская «культура» — первая культура бронзового века, появившаяся на нынешней территории Китая, мною был даже сделан тематический доклад в сентябре 2004 г. на конференции по проблемам археологии Северной Зоны, организованной Институтом археологии Китайской академии общественных наук в Пекине.

Ни одного радиоуглеродного анализа по материалам курганов «типа Кэрмуци» до сих пор проведено не было. В октябре 2008 г. удалось собрать костный материал из двух современных грабительских воронок в пределах «классических» чемурчекских оград прямоугольной формы, вытянутых по линии запад–восток и сопровождаемых каменными статуями, вкопанными с восточной стороны. Эти памятники находятся на юго-восточной окраине поселения Кайнарл волости Чемурчек уезда Алтай Синьцзян-Уйгурского автономного района (бывшая бригада 2 коммуны Кэрмуци) (см. рис. 1 и Ковалев 2007: ил. 1–2). В лаборатории Упсальского университета по образцу из кургана 1 получена дата Ua-37018 (3305 ± 95 BP; с вероятностью 95,4% — 1830–1400 CalBC), а по образцу из кургана 2 получена дата Ua-37019 (4020 ± 55 BP; с вероятностью 95,4% — 2900–2300 CalBC). В грабительской яме кургана 1 сохранились *in situ* плиты поперечных стенок каменного ящика, доходящие практически до поверхности насыпи. Судя по всему, ящик был установлен на уровень древней дневной поверхности. Грабительская воронка в кургане 2 прокопана минимум на метр ниже уровня материка, в яме валяется подтесанная каменная плита — видимо, от разрушенного ящика. Осмотр чемурчекских памятников на китайской территории (в том числе недокопанных и разграбленных), проведенный мною в 1998 (см. Ковалев 2007: 26) и 2008 гг., позволил выдвинуть предположение, что эти курганы содержат, помимо основных могил, устроенных с уровня горизонта и перекрытых насыпью, также однокультурные с ними каменные ящики, впущенные с поверхности

насыпи. Если это предположение справедливо, то радиоуглеродная дата по кургану 2 показывает абсолютную датировку ранних, основных могил, а дата из кургана 1 — впускных ящиков. Таким образом, не только на основании находок афанасьевской керамики, но и на основании радиоуглеродного анализа можно утверждать, что памятники рассматриваемого типа появляются в Джунгарии не позднее второй четверти III тысячелетия до н. э.

В 1998–2000 гг. организованная мной Международная Центральноазиатская археологическая экспедиция СПбГУ (далее — МЦАЭ; Российско-Казахстанский отряд, был образован совместно с Институтом археологии НАН Республики Казахстан, при участии Алтайского госуниверситета) произвела раскопки 12 погребальных сооружений эпохи ранней бронзы в бассейне реки Алкабек (Курчумский район Восточно-Казахстанской области), в 3–5 км к востоку от китайской военной фермы № 185 уезда Хабахэ (рис. 1). Работы велись на могильниках Ахтума, Айна-Булак I, II, Копа и Булгартаботы (Ковалев и др. 2004). Исследованные нами курганы имели подквадратную ограду из вертикально установленных плит, от восточной стороны которой внутрь сооружения, к могиле — земляной яме с одним-двумя погребенными — вел каменный коридор, стенки которого были составлены каменными плитками плашмя в один-восемь слоев. Как правило, стенки этого коридора окружали и могильную яму (рис. 6), либо здесь устраивалась каменная выкладка на заплечиках (рис. 3: 1). Во всех без исключения курганах могильная яма была «сдвинута» в восточную сторону (к вышеописанному входу) от центра кургана на 2–5 м. В 10 м с востока от ограды кургана 2 могильника Копа была установлена каменная стела, подработанная с одной из сторон в древности для придания сходства с человеческой фигурой (рис. 3: 2).

В трех из раскопанных могильных ям были обнаружены фрагменты четырех глиняных сосудов (рис. 3: 3), имеющих прямые аналогии с керамикой елунинской культуры (Кирюшин 2002: 48–51), которая, согласно материалам радиоуглеродного анализа, датируется периодом около 2300–1800 гг. до н. э. (Кирюшин и др. 2003: 105–107; Кирюшин и др. 2005: 137–140; Кирюшин и др. 2007, 2009).

Данные радиоуглеродного анализа, полученные в лаборатории Института геологии СО РАН по костям человека и животных из исследованных погребений (13 дат), характеризуются большим разбросом (в том числе сильно расходятся даты по материалу из одних и тех же могил). Однако, если исключить наиболее далекие даты — с одной стороны СОАН 4855 (4850 ± 50 BP), СОАН 4856 (4995 ± 35 BP), а с другой СОАН 4375 (2735 ± 85 BP) и СОАН 5344 (2800 ± 75 BP), оставшиеся укладываются в период с середины III по середину II тысячелетия до н. э. Наибольшее количество дат (6 шт.) получено по костным материалам из могильной ямы кургана 3 могильника Айна-Булак I. Как без включения «выпадающей» даты СОАН 5344, так и при ее учете комбинированная дата по костям из этой могилы укладывается в период XIX–XVIII вв. до н. э. Скорее всего, это не самая ранняя могила из исследованных, поскольку имеющаяся дата по соседнему кургану Айна-Булак I-1 аналогичной конструкции — 3920 ± 40 (СОАН 4156), что с вероятностью 94,5% укладывается в период 2570–2280 CalBC (все калиброванные даты в статье получены с использованием программы OxCal v. 3.0 и даны с вероятностью 94,5%).

Таким образом, можно заключить, что вышеописанные памятники появляются в Восточном Казахстане не позднее конца III тысячелетия до н. э.

В 2002 г. Д. Эрдэнэбаатар впервые обнаружил чемурчекский могильник на территории Монголии — это был могильник Ягшийн ходоо на территории Булган сомона Ховд аймака, в 50 км от границы Синьцзяна. В 2003–2004 гг. Российско-монгольский отряд МЦАЭ СПбГУ (образован совместно с Институтом истории АН Монголии и Улан-Баторским университетом) под руководством автора данной работы и Д. Эрдэнэбаатара провел раскопки шести курганов этой эпохи близ центра Булган сомона Ховд аймака (могильники Ягшийн ходоо, Хэвийн ам, Буурал Харын ар), а также четырех прямоугольных погребальных оград в Уланхус сомоне Баян-Ульги аймака (Кулала ула (Хул уул), Кургак гови (Хуурай говь) курган 2, Кумди-гови (Хундий говь), Кара-тумсик (Хар хошуу)) (рис. 1).

Исследованные нами курганы в Баян-Ульги (краткая публикация материалов: Ковалев, Эрдэнэбаатар 2007: 81; Kovalev, Erdenebaatar 2009: 155–158, fig. 2; Ковалев, Эрдэнэбаатар 2010а: 90, рис. 1) представляли собою прямоугольные или трапециевидные ограды из вертикальных плит, вытянутые по оси запад–восток (рис. 4: 1). Ограды внутри были засыпаны камнями, что превратило их в плоские платформы с вертикальными стенками. Под платформой находилась земляная яма, имевшая либо ритуальную, либо погребальную функцию. Две из четырех оград сопровождалась каменными стелами, установленными с восточной стороны. В том числе в кургане Кара-Тумсик две стелы были установлены с восточной стороны ограды, а третья, представлявшая собой трапециевидную каменную плиту, выкрашенную красной краской, стояла в пределах ограды с восточной стороны могилы (рис. 4: 2). У кургана Кулала ула, ограда которого была вытянута с севера на юг, стела (рис. 4: 3) была установлена с южной стороны; она была подработана для придания антропоморфности, как и стела у кургана 2 могильника Копа в Восточном Казахстане.

При этом изначально не все такие ограды использовались как погребальные сооружения — наиболее ранние в курганах Кургак гови 2 и Кумди гови (рис. 11: 2) округлые земляные ямы еще до сооружения насыпи были засыпаны землей и камнями, здесь не было обнаружено никаких следов погребения. В заполнении этих ям (как и основных могил в курганах Кулала ула и Кара-тумсик) обнаружено большое количество древесного угля. На следующем этапе в заполнение ям с уровня древнего горизонта были впущены чемурчекские захоронения (рис. 4: 4), которые уже и были перекрыты насыпью. Данные радиоуглеродного анализа из первоначальных сооружений чемурчекских курганов Баян-Ульги — две вышеуказанные ямы без захоронений, основная могила кургана Кулала ула и могильная яма кургана Кара-тумсик (в целом девять дат по углю), относятся их к XXIX–XXVI вв. до н. э. и синхронизируются с датами по углю, дереву и костям из соседнего афанасьевского кургана Кургак гови 1 (Ковалев и др. 2008: 173, табл. 1. 1–2; Ковалев, Эрдэнэбаатар 2010: 100–102). С помощью программы OxCal v. 3.0 были получены практически совпадающие комбинированные даты по каждому из ранних комплексов, а затем — общая комбинированная дата 2840–2570 CalBC с вероятностью 94,5%.

Впускные захоронения из курганов Кулала ула, Кумди гови, Кургак гови 2 были устроены в пределах каменных оград еще до того, как эти ограды были засыпаны каменной насыпью, и поэтому, несомненно, однокультурны основным ямам. Согласно данным радиоуглеродного анализа (4 даты по костям

человека, взятые с вероятностью 95,4%), впускные могилы датируются периодом примерно с 2500 по 2200 г. до н. э. (Ковалев и др. 2008: 175–176, табл. 1.2).

Костяные орудия для обработки кожи, обнаруженные в курганах Кулала ула, Кургак гови 2 (впускное погребение) и Кумди гови (впускное погребение) — так называемые «трепала» (рис. 4: 5) — аналогичны «трепалам», найденным во множестве при раскопках памятников елунинской культуры (около 2300–1800 гг. до н. э., см. выше) (Кирюшин и др. 2005: 195–199), а керамика из кургана Кара-тумсик (рис. 4: 13) и просверленные каменные «шары» из курганов Кумди гови и Кулала ула (рис. 4: 10–11) похожи на находки из памятников окуневской культуры (Семенов 1997: 157–158; Лазаретов 1997: 31–36; Леонтьев 2006) (по данным радиоуглеродного анализа около 2500–1800 гг. до н. э. — см. Svyatko et al. 2009: 247–250; Поляков, Святко 2009: 27–29, 48–49).

Курган Кургак гови 2 составлял обособленную группу вместе с курганом афанасьевской культуры Кургак гови 1, они располагались по одной оси север–юг в 15 метрах друг от друга (Ковалев, Эрдэнэбаатар 2010: 91–102). В афанасьевском кургане был обнаружен костяной наконечник стрелы, подобный тем, что были найдены в чемурчекских курганах Кулала ула и Кара-тумсик (рис. 4: 7, 9). С восточной стороны афанасьевского кургана была установлена каменная стела, что обычно для чемурчекских памятников. Семь радиоуглеродных дат, полученных по углю, дереву и костям из афанасьевского кургана, как уже было сказано, совпадают с датами по углю из соседнего кургана Кургак гови 2.

Таким образом, можно утверждать, что чемурчекские памятники на территории Баян Ульги появляются не позднее второй четверти III тысячелетия до н. э.

Булганские памятники (краткая публикация материалов: Ковалев, Эрдэнэбаатар 2007: 81; Kovalev, Erdenebaatar 2009: 155–158, fig. 3; Кэвалёфу, Эрдэнэбатаэр 2009: 249–253, рис. 3; Ковалев, Эрдэнэбаатар 2010а: 90, рис. 2) представляют собой ориентированные длинной осью по линии восток–запад огромные ящики из массивных плит для коллективных захоронений (до 10 чел.), в большей или меньшей степени утопленные ниже уровня древнего горизонта (рис. 5: 1; 3–5). Снаружи ящик укреплен прямоугольной в плане каменной наброской, в свою очередь окруженной земляной насыпью, прямоугольный периметр которой выложен рядами светлых валунов. С восточной стороны кургана Ягшийн ходоо № 3 (рис. 8) была установлена лицом на юг типичная чемурчекская статуя (см. Ван Бо, Ци Сяошань 1996, № 1–7, 14, 16–18, 20, 22, 23, 26–28, 30, 31, 34–38, 41–46, 49, 50; Kovalev 2000: Abb. 3–8; Ковалев 2007: табл. 4–9), изображающая мужчину с обнаженной грудью в шлеме(?), держащего в руках «посох» и лук (рис. 5: 3), а с востока от кургана Хэвийн ам 1 был прослежен ритуальный «вход» — портал, образованный тонкими вертикальными плитками и вымостками из валунов (рис. 5: 1; 10). Стенки булганских склепов были в древности расписаны красной краской (рис. 5: 2). Наши наблюдения говорят о том, что ареал распространения подобных погребальных сооружений охватывал и бассейны нижнего течения реки Ховд и реки Буянт (Ковалев 2005) (рис. 1). В 2006 г. А. А. Тишкиным были обнаружены новые чемурчекские ящики в нижнем течении реки Буянт (Тишкин и др. 2006: 111), один из которых был раскопан в 2007 г., два — в 2008 (Тишкин и др. 2008), а еще пять — в 2009 г. (Кирюшин и др. 2009). Раскопки здесь выявили в одном случае наличие ритуальной выкладки со стелой с восточной стороны (курган Улаан худаг I-1). Такие

же погребальные склепы, планиграфически связанные с каменными статуями, обнаружены и в бассейне Черного Иртыша (Ван Линьшань, Ван Бо 1996: 47, рис. 100, 101), в том числе осмотрены мною в долине Чемурчека (Kovalev 2000: 145) и Чингиля (осмотрен ящик со стелой, опубликованной под номером 161 в Ван Бо, Ци Сяошань 1996). Более того, аналогичный каменный ящик с периметральными насыпями был обнаружен С. П. Грушиным и раскопан С. П. Грушиным и автором настоящей работы в 2006 г. в Третьяковском районе Алтайского края (рис. 1).

В каменных ящиках из Булган и Ховд сомонов Ховд аймака были обнаружены бронзовые и свинцовые колечки (рис. 5: 4–7) — украшения, характерные для памятников елунинской культуры (2300–1800 лет до н. э., см. выше) (Киришин, Тишкин 2000). Плоскодонный сосуд, найденный в кургане Ягшийн ходоо 3 (рис. 5: 11), аналогичен керамике елунинской культуры (Киришин 2002: 48–51).

В сезоне 2010 г. МЦАЭ СПбГУ в рамках программы исследований Санкт-Петербургского музея-института семьи Рерихов и Международной ассоциации монголоведения были проведены раскопки еще пяти чемурчекских курганов «булганского» типа в Булган сомоне. В кургане 1 могильника Хух удзуурийн дугуй I, сопровождавшемся каменной статуей с восточной стороны, были выявлены четыре периметральные насыпи, гробница этого кургана была изнутри расписана красной краской. В кургане 2 того же могильника были прослежены 3 насыпи, в курганах Эрэгнэг уул и Хэвийн ам 3 — по две насыпи. Раскопки 2010 г. существенно пополнили коллекцию чемурчекских сосудов — были обнаружены два глиняных сосуда и тринадцать каменных.

В целом удалось получить 18 радиоуглеродных дат из каменных ящиков «булганского типа» (Ковалев, Эрдэнэбаатар, Зайцева, Бурова 2008: 176–177, табл. 1.3). Несмотря на то что радиоуглеродное датирование приходилось проводить чаще всего по смешанному костному материалу, относящемуся ко всему периоду функционирования склепа, даты из отдельных ящиков оказались весьма сходными. Большинство дат относится к последней четверти III тысячелетия до н. э. Наиболее ранней комбинированной датой склепов «булганского» типа является дата кургана Ягшийн ходоо 3 (сопровождавшегося каменным изваянием): 2470–2150 CalBC.

Таким образом, не позднее середины III тысячелетия до н. э. в предгорьях Монгольского Алтая от озера Зайсан до реки Булган распространяются погребальные памятники, имеющие ряд специфических черт, отличающих их от всех известных памятников раннего бронзового века Восточной Европы и Азии (Ковалев 2005: 179–180). Эти специфические признаки не представлены комплексно в каждом кургане, а распределяются по отдельным территориям, образуя особые типы погребальных конструкций. Независимое появление в одном, достаточно ограниченном, регионе, причем практически одновременно сразу нескольких оригинальных новаций в конструкции погребальных сооружений представляется совершенно невероятным. Можно предположить, что сначала был один источник всех этих инноваций, однако впоследствии племена с единой культурой расселились по Алтаю и сохранили отдельные различные черты традиций погребального обряда. Но имеется ли территория, где были бы представлены одновременно *все специфические признаки чемурчекских*

курганов? Как выясняется, такая территория есть — это Западная и Южная Франция (Ковалев 2005; 2009). Кроме аналогий в конструкции погребальных сооружений мы находим здесь сходство в формах и орнаменте сосудов, а также в облике каменных статуй. Все аналоги из Западной Европы датируются более ранним периодом, нежели появление чемурчекских памятников на Алтае. Ничего подобного в формах погребальных сооружений и керамики в материалах IV — первой половины III тысячелетия до н. э. на территории между Францией и Алтаем не найдено. Для сравнения можно привести известные материалы афанасьевской культуры, казахстанского и западносибирского энеолита, репинской, классической ямной и катакомбной культур. Погребальные конструкции этих культур не имеют с чемурчекскими ничего общего. Причерноморские «энеолитические» каменные статуи не имеют характерных признаков чемурчешских скульптур; окуневские изваяния (синхронные чемурчеку) — тем более далеки от чемурчешской иконографии. Чемурчешские сосуды, за исключением указанных выше экземпляров, имеющих елунинское либо афанасьевское происхождение, стоят особняком на фоне евразийских материалов эпохи энеолита — ранней бронзы. Это эллипсоидные, параболоидные или мешковидные округлодонные сосуды либо банки с плавно загибающимися кверху и книзу стенками, без выделенной шейки, чаще всего лишенные орнамента, за исключением прочерченной под устьем горизонтальной полоски с треугольными фестонами. Все эти особенности характерны для керамики позднего неолита Франции (см. ниже). Перемещение группы традиций материальной культуры на тысячи километров без каких-либо промежуточных звеньев диффузией не объяснить. Необходимо рассмотреть гипотезу о миграции части населения юга и запада Франции на Алтай в начале III тысячелетия до н. э. Антропологические данные о чемурчешском населении также указывают на его западное происхождение. К сожалению, в исследованных памятниках Восточного Казахстана нами не было найдено ни одного целого черепа. Однако образцы митохондриальной ДНК от двух человек, захороненных в кургане Айна-Булак 1-3, исследованные в Институте генетики РАН, показали их европейское происхождение (Куликов и др. 2005: 222). Черепа и фрагменты таковых, обнаруженные нашей экспедицией в чемурчешских курганах Монголии, имеют, согласно заключению специалистов кафедры антропологии и археологии Монгольского национального университета, выраженные европеоидные черты. При этом они отличаются от афанасьевского стандарта, поскольку имеют более уплотненные пропорции.

Вытянутые пропорции «баян-ульгийских» (рис. 7; 11: 2, 3) и «китайских» (рис. 11: 1) чемурчешских оград восходят к ритуальным прямоугольным или трапециевидным оградкам, так называемым «*tertres tumulaires*», сооружавшимся в V–IV тысячелетиях до н. э. в Западной и Юго-Западной Франции. Следов погребений в пределах таких сооружений нет, однако на горизонте обнаружены следы огня, керамика, угли, жженные кости; иногда имеются земляные ямы, забитые каменно-земляной забутовкой с углями, а также каменные выкладки и оградки (Briard 1992; Patton 1993: 48–56; L'Helgouac'h 1998: 330–336; Le Roux 1995: 45–47; Joussaume, Laporte 2006: 322–330) (рис. 11: 4–7). А ведь как установлено нашей экспедицией на примере курганов Кумди гови и Кургак гови 2, прямоугольные оградки в Баян-Ульги первоначально использовались

в ритуальных целях: в середине ограды выкапывалась яма, засыпанная землей попеременно с углем, лишь затем в заполнении этой ямы устраивалось погребение, и только тогда пространство внутри ограды заполнялось камнем.

Уникальной особенностью курганов раннего бронзового века, исследованных нами в Ховд аймаке Монголии, как уже отмечалось, является устройство каменных и земляных с каменным панцирем насыпей, охватывающих по периметру центральный каменный ящик и частично накладывающихся друг на друга, образуя как бы «ступенчатую пирамиду» (рис. 8–10). Таким образом, эти «пирамиды» строились не снизу вверх, а от центра в стороны! Как установлено работами МЦАЭ СПбГУ, в кургане Хух удзуурийн дугуй I-1 таких насыпей было четыре, в курганах Ягшийн ходоо 1 и 3, Хэвийн ам 1, Буурал харын ар, Хух удзуурийн дугуй I-2 — по три, в остальных случаях — по две. Аналогичную конструкцию имеют и курганы этого типа, осмотренные мною в Китае, а также чумурчекские курганы в долине реки Буянт: описанный В. В. Волковым курган «около третьей бригады Толбо сомона» (Ковалев 2005: 180) и исследованные Буянтской российско-монгольской археологической экспедицией курганы Улаан худаг I-12 (три насыпи), Улаан худаг II-3 (две насыпи) (Тишкин и др. 2008: фото 17, 18).

Поиск истоков этой традиции необходимо ограничить регионами Атлантического побережья Франции (Нижняя Нормандия, Бретань, Пэи-де-ла-Луар, Пуату-Шаранта; самые южные памятники с этим признаком зафиксированы в регионе Лангедок-Руссильон). Только здесь были обнаружены памятники более раннего времени с периметральными насыпями, накладывающимися одна на другую. Количество таких насыпей может достигать десяти. Патриарх бретонской археологии Жан Л'Эльгуаш (Jean L'Helgouac'h) уподобил эту систему фасадов «луковой шелухе» (L'Helgouac'h 1999: 139). Налгающие друг на друга подобно луковой шелухе фасады были выявлены в подавляющем большинстве коридорных гробниц (les tombes à couloir) Западной Франции, насыпи которых сохранились (Le Roux, L'Helgouac'h 1967; L'Helgouac'h 1976; L'Helgouac'h, Lecornec 1976: 370–385; Le Roux, Lecerf 1977; Jousaume 1978; Germond et al. 1978; Le Roux, Lecerf 1980; L'Helgouac'h, Poulain 1984; Le Roux 1985, p. 38–47; L'Helgouac'h, Le Roux 1986; L'Helgouac'h et al. 1989; Dron, San Juan 1992: 36, fig. 8; Lecornec 1994; Le Roux 1995; Masset, Soulier 1995; Bouin, Jousaume 1998; Gomez De Soto 1998; Chancerel, Kinnes 1998; L'Helgouac'h 1998: 242–269, 311–330; Mohen, Scarre 2002: 25–65; Laporte et al. 2002; Jousaume 1999; Jousaume 2003; Jousaume 2006; Le Roux et al. 2006; Jousaume, Laporte 2006: 330–338) (рис. 12–16). Фасады насыпей таких курганов устроены из каменных плиток, уложенных плашмя, кладкой всухую. Эти памятники появились в начале V тысячелетия до н. э., строились до середины IV тысячелетия до н. э., служили для погребения умерших вплоть до конца IV тысячелетия до н. э.; в конце IV тысячелетия до н. э. все коридорные гробницы были «закупорены» и оставлены (Patton 1993: 167–170; Ковалев 2009).

В массе своей более поздние памятники: галерейные гробницы («allées couvertes») и поздние «дольмены» (последняя треть IV — конец III тысячелетия до н. э., см. Müller 1997: 74, 78, Abb. 11; 1999: 58–59) утрачивают «множественность» фасадов, ограничиваясь одной насыпью по периметру «галереи» или погребальной камеры. Однако среди них есть памятники с периметральными

насыпями, образующими находящие друг на друга «фасады», — это древнейшие из «галерейных гробниц», а также дольмены юга Франции; все они относятся к последней трети IV — началу III тысячелетия до н. э. Таким образом, это наиболее поздние памятники с искомым признаком, близкие по времени к появлению чемурчекских племен на Алтае. Невысокие периметральные насыпи самых ранних из «галерейных гробниц» очень похожи на «булганские» чемурчекские — они облицованы наклонными или вертикальными плитами, а не «фасадом», сложенным сухой кладкой. Судя по опубликованным трехмерным чертежам, в конструкции кургана Liscuis III (Бретань, департамент Кот-д'Армор) (рис. 17: 4) были использованы две такие насыпи, по высоте не более 1 м, устроенные из земли и мелких камней и облицованные наклонными каменными плитками; таким же образом была устроена насыпь и вокруг галерейной гробницы Liscuis II, и вокруг камеры V-образной формы более раннего кургана Liscuis I (рис. 17: 5); в плане все эти курганы имели овальную форму (Le Roux 1975: 514–518; 1977: 411–415). Данные радиоуглеродного датирования этих памятников приведены в статье Й. Мюллера (Müller 1997: 84, 95): Liscuis II: Gif-3994 4450 ± 110 BP (3500–2850 calBC), Gif-3585 4170 ± 110 BP (3050–2450 calBC); Liscuis III: Gif 4076 4200 ± 110 BP (3100–2450 calBC), Gif 4075 3680 ± 110 BP (2500–1750 calBC); Liscuis I: Gif 3099 5140 ± 110 BP (4250–3700 calBC). Аналогичную конструкцию имела коридорная гробница Ti-ar-Boudiged в Бреннили, департамент Финистер: здесь также прослежена внутренняя насыпь из камня вокруг гробницы, на которую легла вторая периметральная (земляная) насыпь, удерживавшаяся вертикальными плитами (Le Goffic 1994: 138–147, fig. 4–7). Дата по жженым костям из насыпи этого кургана Gif-8730 4570 ± 70 BP, т. е. 3520–3020 calBC. Периметральные насыпи с фасадами, сложенными кладкой всухую, сопровождали галерейную гробницу de Bilgroix в департаменте Морбиан, Бретань (рис. 17: 2, 3); три даты по углю, которые раскопщики связывают со временем функционирования памятника, указывают на конец III тысячелетия до н. э.: LQG-568 4320 ± 140 BP (3400–2550 calBC), Ly-5706 4280 ± 45 BP (3030–2700 calBC), Gif-9406 4400 ± 60 BP (3340–2900 calBC) (Lecornec 1996). Наиболее южная «псевдогалерейная» гробница, имеющая периметральные насыпи (с традиционными фасадами) — «дольмен» de Saint-Eugène (департамент Од, Лангедок-Руссильон); его относят к времени около 3000 г. до н. э. (Guilaine 1998: 52–53, 57, 142; Guilaine 2006: fig. 1; Sauzade 2008: 345–346) (рис. 17: 1).

Каменная внешняя платформа с фасадом (как сложенным кладкой, так и из вертикальных плит), который окружен еще одной периметральной каменной насыпью, характерна для дольменов, имеющих короткий портал из вертикальных плит либо единую камеру-коридор, открытую в восточный сектор. Происхождение этой архитектурной особенности конструкции насыпей Ж. Лекорнек видит в традициях коридорных гробниц (Mégalthisme et société 1987: 122–123). К их числу относятся некоторые из так называемых «анжуйских дольменов» («dolmens angevin»), в том числе дольмен E 134 de Taize (деп. Дё-Севр) (рис. 18: 4) (Gutherz 1995: fig. 3) и дольмен de la Bajoulière (Сен-Реми-ла-Варенн, деп. Мён и Луара) (Gruet, Passini 1986) (рис. 19: 4). Две периметральные насыпи имеют многие из «дольменов Керси» («dolmens du Quercy»), в том числе дольмен du Pech из Сант-Антуан-Нобль-Вал (Guilaine 1998: 46–47) (деп. Тарн и Гаронна), дольмен de la Devèze-Sud из Марсильяк-сюр-Селе

(деп. Лот) (Lagasque et al. 1996); дольмен 2 de Foumarène-Nord в Монтрику, дольмен 3 de la Ferme du Frau из Казалс (деп. Тарн и Гаронна), дольмен du Rouzet из Ларок (деп. Тарн), дольмен du Verdier из Карьяка (деп. Лот) (Mégolithisme et societe 1987: 113–124), дольмен des Aguals (de la Combe de l'Ours) (Gréalou-Montbrun, деп. Лот) (Lagasque et al. 2006) (рис. 18: 3, 5, 6, 7; 19: 2, 3); «Дольмены Керси» и «анжуйские дольмены» датируются «финальным неолитом», концом IV — первой половиной III тысячелетия до н. э. (Mégolithisme et societe 1987: 112–124; L'Helgouac'h 1998: 260; Beuñeix 2003: 116–117; Sauzade 2008: 342–343). Две периметральные насыпи — первую из чистого камня, вторую — земляную с каменным фасадом (что по конструкции насыпи представляет ближайшую аналогию булганскому чемурчеку) имеет дольмен Peyre-cor 2 (Эску, деп. Атлантические Пиренеи); его камера совмещена с коротким порталом-коридором, как и у «дольменов Керси» (Dumontier et al. 1997). Из камеры этого дольмена удалось взять два образца древесного угля, по которым получены даты: Ly-6953 4095 ± 65 BP (2862–2482 CalBC) и Ly-6954 4090 ± 90 BP (2869–2306 CalBC) (Dumontier et al. 1997: 534). Исследованный в 2000 г. «провансальский дольмен» de l'Ubas (со стенками и коридором, сложенными частично сухой кладкой) того же периода около Гульта (деп. Воклюз) снаружи был укреплен двумя земляными периметральными насыпями, облицованными по периметру вертикальными и наклонными каменными плитами (Sauzade et al. 2003; Sauzade 2008: 348, fig. 18). Две периметральные насыпи с фасадами имеет и «лангедокский дольмен» (с коридором, сложенным сухой кладкой) de Gramont (Руэ, деп. Эро) (Bordreuil 1998: fig. 4). Необходимо особо сказать о дискуссии относительно конструкции дольменов Керси. Исследовавший эти погребальные памятники в 60–70-е годы Ж. Клот не сомневался, что каменная засыпка вокруг фасада первой периметральной насыпи (как на рис. 18: 3, 5, 6) представляет собой вторую насыпь, специально устроенную по периметру первой; однако фиксация каменных конструкций в то время оставляла желать лучшего: рисунки Клота можно расценивать только как схемы устройства насыпи, а не чертежи (к примеру рис. 18: 7) (Clottes 1977). В 80-е годы раскопки этих дольменов стал проводить Б. Пажо, который счел внешнюю засыпку следствием развала первой платформы; он прекрасно зачищал эти каменные кладки, выполнял подробные планы (см. рис. 18: 3, 5, 6), однако затем устраивал так называемую «реставрацию», убирая все внешние камни (Pajot 1999). Такой подход вызвал критику старшего коллеги, который считал совершенно невероятным столь упорядоченное разрушение насыпи в древности; кроме того, «внешних» камней иногда было столько, что, будучи водруженными на внутреннюю платформу, они должны были бы образовать пирамиду, высота которой была бы больше ширины (Mégolithisme et societe 1987: 120–121). Я полностью поддерживаю Ж. Клота, поскольку ни одного случая несимметричного развала «внешних» камней либо сохранения «пирамидообразной» насыпи, перекрывающей дольмен, не зафиксировано. В 1999 г. был опубликован отзыв еще трех исследователей, вызванный публикацией обобщающей статьи статьи Б. Пажо (Pajot 1999): Ж.-П. Лагаски', Д. Бару, А. Роше, проводившие в 1990-е годы раскопки дольменов Керси, назвали выводы Пажо о «развале» центральной насыпи безосновательными, также они были возмущены тем, что Пажо проигнорировал опубликованные отчеты об их раскопках (Lagasque et al.

1999). Устройство второй периметральной насыпи с фасадом в так называемых длинных курганах со смещенным от центра дольменом типа изображенных на нашем рисунке 19: 2, 3 связывается французскими исследователями с устройством «дополнительной» погребальной камеры (Clottes 1977; Mégalithisme et société 1987: 114; Pajot 1999: 153–158; Veineux 2003: 114). По их мнению, вторая насыпь появилась в результате пристройки второй гробницы. Однако вторая «погребальная камера» во всех случаях шире первой, пристроена к ней строго по оси и не отделена от первой камеры никаким образом. Кроме того, в регионе Кверси и Больших Коссов (Grand Causses) насчитываются десятки длинных насыпей с дольменами, к которым от восточной поперечной насыпи ведут коридоры различной конструкции (Arnal, Balsan 1980). Поэтому я считаю так называемую вторичную камеру таких курганов порталом, построенным одновременно с основным дольменом, а вторую периметральную насыпь — частью единого по своему архитектурному замыслу сооружения наподобие описанных выше коридорных гробниц V–IV тысячелетий до н. э.

Чемурчкские курганы «булганского типа» сохранили традицию организации портала с восточной стороны гробницы: такой портал из вертикальных плит, совершенно аналогичный по конструкции порталам «анжуйских дольменов», был, как уже говорилось выше, зафиксирован при раскопках кургана Хэвийн ам 1 (рис. 10). Еще один чемурчкский курган с П-образным порталом из вертикальных плиток был в 2009 г. раскопан преподавателем Ховдского университета Ч. Мунхбаяром в Ховд сомоне (неопубликованные материалы).

«Казахстанские» погребальные ограды имеют сложенный каменной кладкой всухую коридор, окружающий погребальную камеру, и асимметричное расположение склепа. Коридоры, сложенные каменной кладкой всухую, устраивались ранее **исключительно** в погребальных памятниках Атлантического побережья Западной Европы — в вышеуказанных коридорных гробницах. Здесь они предстают самым характерным признаком курганов с начала V до середины IV тысячелетия до н. э. (см. все публикации по коридорным гробницам из соответствующих ссылок выше). Преимущественное направление коридора — как во Франции, так и в Монголии — восточный сектор. В IV тысячелетии при строительстве стенок коридоров начинают все шире применяться — в основном как дополнительные опоры — вертикальные плиты; в эпоху «позднего (финального) неолита» галерейные гробницы уже полностью строятся из вертикальных плит, а у позднейших дольменов («анжуйские дольмены», дольмены Керси и т. п.) из вертикальных плит строится небольшой портал (L'Helgouac'h, Le Roux 1986; Le Roux 1999; Jousaume, Laporte 2006: 330–338, Guilaine 2006: fig. 1, 2). Однако имеется регион, где сухая кладка является признаком мегалитических памятников именно позднего неолита. Еще в 1953 г. Ж. Арнал выделил на Юге Франции специфическую группу памятников, обозначив их как «доисторические камерные гробницы со стенками, сложенными сухой кладкой»; распространены они, как выясняется, не только в Восточном Лангедоке и бассейне нижней Роны, но и к востоку вплоть до итальянской границы: департаменты Эро (Hérault), Гар (Gard), Ардэш (Ardèche), Буш-дю-Рон (Bouches-du-Rhône), Воклюз (Vaucluse), Приморские Альпы (Alpes-Maritimes) (Guilaine 1998: 34–41; Guilaine 2006: 263–266, fig. 1, 2; Bordreuil, Bordreuil, Jallot 2006) (рис. 20: 5–10). Один такой памятник, дольмен de Souillac, детально исследован в Керси

в деп. Лот (Girault 1986: fig. 5, 9, 17) (рис. 20: 2–4). Отличительным признаком этих памятников является использование сухой кладки для строительства как коридоров, ведущих к дольмену, так и, нередко, самой гробницы; есть случаи, когда гробница практически сливается в одно целое с коридором, что представляет самую близкую аналогию «казахстанскому» чемурчеку. Исследование погребального инвентаря памятников этого типа в Лангедоке показало, что их строительство можно отнести к последней трети IV — началу III тысячелетия до н. э., «до возникновения культуры Фонбуасье» (Bordreuil et al. 2006: 288–291).

В исследованных чемурчекских памятниках обнаружено некоторое количество керамических сосудов, также частой находкой являются каменные сосуды. Некоторые каменные сосуды, обнаруженные случайно, хранятся в музеях Синьцзяна и Алтайского края. Как уже говорилось выше, часть керамических сосудов, обнаруженных нами в чемурчекских курганах Казахстана и Монголии, типична для елуинской культуры. Эта культура занимала степи к северо-западу от Алтайских гор в 2300–1800 гг. до н. э.; известно большое количество крупных поселений этой культуры, где прослежены многочисленные следы металлургического производства (Кирюшин и др. 2005; Грушин и др. 2009). Население занималось в основном скотоводством. Антропологический тип населения был смешанным, европеоидно-монголоидным, причем митохондриальная — женская — ДНК показывает монголоидное происхождение (Куликов и др. 2005). То, что понимается под типичной елуинской керамикой — это (упрощенно) баночные сосуды, расширяющиеся кверху, покрытые отпечатками различных штампов (Кирюшин 2002: 48–51). Возможно, эта керамика имеет местные корни, потому что похожие сосуды найдены в энеолитических памятниках Северного Казахстана. Таким образом, керамику елуинского типа, найденную в чемурчекских памятниках, также как и найденные в чемурчекских памятниках Баян-Ульги костяные «трепала», можно считать следствием культурных контактов чемурчекского и елуинского населения. Общими для чемурчекской и елуинской культур, о чем также говорилось выше, являются типы свинцовых и бронзовых украшений, что можно объяснить влиянием на обе культуры восточноказахстанского очага металлопроизводства. Возможно, европеоидный компонент елуинского населения был связан именно с появлением с юга носителей чемурчекских традиций с европейской митохондриальной ДНК.

Однако найденные в Синьцзяне и на юге Монгольского Алтая керамические и каменные сосуды в большинстве своем резко отличаются по своей форме и орнаменту от современных им и предшествующих сосудов евразийских традиций (рис. 21, 27). При этом одни и те же формы орнамента характерны и для керамических, и для каменных сосудов, поэтому мы говорим о них вместе. Эти уникальные на фоне остальных формы таковы: сосуды сфероидных, мешковидных, эллипсоидных и бомбовидных форм либо баночные сосуды со слегка выпуклыми стенками, плавно загибающимися кверху и книзу. Сосуды не имеют выделенной шейки, они всегда «закрытых» форм, т. е. их стенки стянуты кверху. Из орнаментов чаще всего встречается прочерченная под горлышком горизонтальная линия со спускающимися вниз прочерченными треугольниками. Керамика таких форм, почти не орнаментированная, характерна для позднего и финального неолита западной и южной Франции, а также

Испании. На территории Бретани (Bretagne) такие сосуды (плоскодонные) относятся к так называемому типу Конгуэль (Conguel) позднего неолита (Polles 1983), а круглодонные сосуды закрытых форм без орнамента не имеют точной культурной атрибуции (рис. 24, 25). На территории Пуатье и Аквитании такие формы находят в контексте неолитической культуры Пё-Ришар (Peu-Richard), группы Рокфор (Roquefort) и раннего этапа культуры финального неолита Артенак (Artenac) (Joussaume, Pautreau 1990, Laporte 1996) (рис. 26). На юге Франции такая керамика характерна для культуры (группы) Ферьер (Ferrieres) и ее окружения (группа Вераза (Veraza), группа Ля Курон (La Couronne)), причем именно керамика типа Ферьер представляет как сфероидные, так и бомбовидные и мешковидные формы (Gutherz 1984; Georjon, Forest 1999; Gutherz, Jallot 1995; D'Anna 1995) (рис. 22, 23, 28, 29: 6–11), однако почти при полном отсутствии плоскодонных сосудов. Орнамент в виде прочерченных горизонтальных линий и свисающих от последних треугольников является специфическим признаком керамики этой культуры. В керамике более северных территорий также встречаются похожие орнаменты, но редко. Группа Ферьер датируется по калиброванным радиоуглеродным датам примерно 3300–2600 гг. до н. э. (Gutherz, Jallot 1995: fig. 29). Эти данные верифицированы дендродатами, полученными по образцам из раскопок неолитических поселений на озерах Клерво (Clairvaux) и Шален (Chalain) (деп. Юра). На этапе финального неолита в культурных слоях поселений появляются сосуды мешковидных и бомбовидных форм (часто с канеллюрами), характерные для группы Ферьер (Petrequin et al. 1987: 34); авторы раскопок выдвинули предположение о миграции носителей культурных традиции группы Ферьер из Лангедока на 500 км к северо-западу и «колонизации» ими альпийских предгорий (Petrequin 1998: 138–139). К концу 1990-х годов были получены дендродаты по всем периодам поселений Клерво и Шален, что позволило точно датировать период ферьерской «колонизации» 3200–3100 гг. до н. э. (Petrequin 1998: fig. 2–3). Сфероидные сосуды со стянутым горлом и прочерченными горизонтальными линиями — характерная керамика для финального неолита и халколита Иберийского полуострова (Bosch i Lloret À. Tarrús i Galter J. 1990; Márques et al. 1952; Prieto Martínez 2005). Ареал керамики типа Ферьер совпадает с ареалами дольменов Лангедока и Прованса, часть из которых, как уже говорилось, имеет по несколько периметральных насыпей. Керамика типа Ферьер в основном найдена в гротах, при раскопках поселений, но датируется примерно тем же временем, что и эти погребальные сооружения, т. е. концом IV — началом III тысячелетия до н. э. (Gutherz, Jallot 1995). Однако на территорию Керси керамика группы Ферьер не заходит. Строители дольменов Керси керамику в погребальном обряде, скорее всего, не использовали (Beuneix 2003: 117). Период финального неолита на территории Керси представлен «группой Ля-Перт-дю-Кро» («de La Perte du Cros»), известной практически только по эпонимному памятнику на юге департамента Лот (Galan 1967). У входа в грот Ля-Перт-дю-Кро в 60-х гг. XX в. были проведены масштабные раскопки, в ходе которых были выявлены три неолитических слоя — слой III содержал материалы классического этапа культуры Шассе, слой II — позднего этапа этой культуры, а позднейший слой I — материалы финального неолита, синхронные группе Ферьер (Gutherz, Jallot 1995: fig. 3) и ранней стадии группы Трей (des Treilles) (Gutherz, Jallot

1995: fig. 3), охватывающей регион Больших Косов (Costantini 1984: 145–175). Керамика верхнего слоя стоянки Ля-Перт-дю-Кро имеет признаки влияния группы Трей — горизонтальные валики, отдельные налеты под горлом (Costantini 1984: 162–163), однако, в отличие от группы Трей и группы Ферьер здесь наряду с круглодонными формами наличествует большой процент сосудов с уплощенным дном (Galan 1967: 25–28) (рис. 29: 2–5). Эти сосуды представляют собой самую близкую аналогию чемурчекским каменным и глиняным сосудам вытянутых форм, у которых дно также часто уплощено (рис. 27: 4, 6–8). При этом сосуд такой же формы с уплощенным дном найден и в верхнем горизонте более раннего, II слоя памятника (рис. 29: 1) (Galan 1967: fig. 20: 5). Уровень изученности поселенческих памятников финального неолита Керси явно недостаточен, однако опубликованные в 1967 г. материалы раскопок Ля-Перт-дю-Кро позволяют предполагать, что именно на этой территории мог сложиться комплекс чемурчекских традиций формовки и орнаментации сосудов, включающий сфероидные, эллипсоидные и бомбовидные круглодонные формы и орнаментацию треугольными фестонами как наследие культуры Ферьер, с одной стороны, и, с другой стороны, эллипсоидные, цилиндрические и биконические сосуды с уплощенным дном, большинство из которых находит более ранние аналогии в памятниках финального неолита Бретани и собственно Керси. Баночные сосуды с уплощенным дном и стянутым горлом, судя по находкам в слоях III–II поселения в гроте Марса (Galan, Cavailé, Riquet 1961: fig. 7: 1; 10; 20: 22–25; 31; 33: 4), обычны для более поздних памятников «халколита» — ранней бронзы Керси, что косвенно подтверждает эту версию. Интересно, что именно в слоях I, II, III поселения Ля-Перт-дю-Кро найдены черные и белые каменные шарики диаметром около двух сантиметров без отверстия (Galan 1967: fig. 21: 7), подобные шарикам, обнаруженным нашей экспедицией в чемурчекских курганах Хэвийн ам 1 (три белых), Хэвийн ам 3 (пять белых) и Хух удзуурийн дугуй I-1 (тридцать черных). Мраморные шарики из курганов в Хэвийн ам имеют характерный «антикварный блеск» от частого использования (для игры?). Такие шарики встречены также в коридорных гробницах Ирландии и на неолитических поселениях Португалии (Eogan 1989: 126). Каменные статуи, изваянные чемурчекским населением, представляют абсолютно уникальное явление для азиатских степей III–II тысячелетий до н. э. (рис. 30). На момент публикации мною в Германии вышеуказанной статьи 2000 г. в предгорьях Монгольского Алтая было известно около 35 доисторических статуй. С тех пор две статуи были обнаружены около раскопанных нами чемурчекских курганов «булганского типа» в Монголии, а на китайской территории в музеях и туристских комплексах было выставлено еще около 30 новых чемурчекских статуй: эти памятники остаются неопубликованными. Ряд до сих пор не включенных в научный оборот статуй, стоящих с восточной стороны от чемурчекских прямоугольных оград, мне удалось также обнаружить в ходе поездки 2008 г. по китайскому Алтаю. Если раньше еще могли быть сомнения, что эти статуи относятся к чемурчекской культуре, то после публикаций Ван Бо и моих статей на эту тему оспаривать атрибуцию этих скульптур невозможно. Во-первых, статуи сопровождают курганы с ранним материалом, в тюркском контексте они не встречены. Во-вторых, они принципиально отличаются от тюркских статуй. Никаких местных истоков этой традиции не существует.

Если мы сравним эти изваяния с самыми близкими к ним статуарными памятниками того же или более раннего времени — в Северном Причерноморье (Telegin, Mallory 1994), — то мы найдем большие стилистические различия. Статуи, наиболее похожие на чемурчекские, как оказывается, можно найти гораздо западнее и тоже в Южной Франции. Специфическими признаками чемурчекских статуй, как мной уже отмечалось, являются следующие. Контур лица обозначает выпуклый валик (рис. 2: 2, 3; 30: 3–6), от которого часто прямо вниз опускается выпуклый нос (рис. 30: 3, 4). Глаза изображаются выпуклыми кружками или дисками. На шее изображена выпуклая гривна или ожерелье (рис. 2: 2–4; 30: 2, 6, 7), иногда имеющие несколько рядов. Судя по тому, что на статуях высекалось изображение мускулистой груди (рис. 30: 5–7), они воплощали образ обнаженного мужчины. Это обычно для западно- и восточно-европейских статуй эпохи энеолита — ранней бронзы. Однако лопатки, которые прорисованы в одном случае (Кайнарл 1–1, рис. 30: 7), изображены не в виде треугольников, как на причерноморских стелах, а в виде двух выпуклых контуров, сходящихся к середине спины. Такую манеру передачи лопаток мы встречаем только на восточной границе Керси: на статуях «руэргской группы» департамента Аверон (D'Anna 1977: fig. 8, 11–17) (рис. 31: 10). Причерноморские стелы не имеют выпуклого валика вокруг лица, а глаза изображаются ямками. Напротив, на статуях-менгирах, найденных в южной Франции, мы видим выпуклый валик вокруг лица, от которого спускается нос, выпуклые кружки или диски на месте глаз. (D'Anna 1977, 2002; D'Anna et al. 1996; Jallot 1998) (рис. 31: 1–4; 8). Стелы из Причерноморья также имеют ряд черт, которые отсутствуют у чемурчекских изваяний: изображения стоп, ребер. Кроме того, на южно-французских стелах, как и на причерноморских и чемурчекских, имеется посох с крюкообразным верхним концом (Bordreuil, Bordreuil 1998). На нескольких чемурчекских изваяниях в руке у изображенного персонажа представлен лук (рис. 30: 5): это характерно и для причерноморских статуй. Однако такие же изображения лука мы встречаем на стелах позднего неолита из Французских Пиренеев и Сьона (Швейцария) (D'Anna 1977; Pedrott 1998) (рис. 31: 7). Вообще лук и стрелы — это типичное изображение в мегалитических гробницах Западной Франции (Runesto, Île Longue, Le Déhus, Gavrinis, Barnenez) (Boujot et al. 2000). Для антропоморфов запада и востока Европы, как и для чемурчекских статуй, обычно изображение гривны или ожерелья. Однако на некоторых чемурчекских стелах гривна снабжена свисающими вниз треугольниками (рис. 30: 6) — признак, не встреченный на причерноморских изваяниях. Гривны с треугольными фестонами мы видим только на статуях из Швейцарии, Северной Италии, Каталонии (Pedrotti 1998; Cura-Morera, Castells 1977) (рис. 31: 5, 6, 9). Эти скульптуры относятся к финальному неолиту и началу эпохи бронзы, часть из них датируются началом III тысячелетия до н. э. Рот у чемурчекских статуй изображается со свисающими вниз углами («рыбий рот») (рис. 30: 5). Самую близкую аналогию можно найти тоже в Европе, но в гораздо более раннем материале — статуях с поселения VI тысячелетия до н. э. Лепенски Вир II в Сербии (Srejović 1972). Именно эта традиция в свое время оказала влияние на формирование статуарных традиций юга Франции: небольшая статуя того же типа, как и в Лепенском Вире, — с «рыбьим ртом» и выпуклыми дисковидными глазами — найдена в департаменте Лот на поселении Капденак-лэ-О

(Carpenac le Haut); статуя была найдена в переотложенной части культурных напластований, однако скорее всего происходит из слоя культуры Шассе IV тысячелетия до н. э. (Clottes 1975: 636–637, fig. 32). Таким образом, из всех известных статуй конца IV — первой половины III тысячелетия до н. э. наиболее близкую аналогию чемурчекским изваяниям представляют статуи типа «Сьон-Аоста» из швейцарских и итальянских Альп (рис. 31: 5–7), статуи групп 2, 3 из деп. Гар (рис. 31: 1–4) и некоторые находки из Каталонии (рис. 31: 9) (Pedrotti 1998; D’Anna et al. 1996; Cura-Morera, Castells 1977). В статуях этих типов представлены такие признаки, как выпуклый валик вокруг лица, гривна с треугольниками, лук и посох в руках. Однако ни один из типов в отдельности не имеет всех этих специфических признаков. Только слияние изобразительных традиций населения, живущего на соседствующих территориях от Пиренеев до Альп, могло привести к появлению чемурчекских изваяний.

Многие группы западноевропейских статуй связаны с погребальными конструкциями. В ранних коридорных гробницах Бретани антропоморфные стелы устанавливались при входе внутри гробницы (Guennoc III) (Le Roux 1998: 219–220); в восточном Лангедоке стелы группы Gard 2 находят в коридорах погребальных гротов; в частности, в гроте Meunier две стелы оформляли вход в погребальное сооружение (Montjardin 1998; Colomer 1979: 33–35, 84–87); раскопки мегалитического некрополя Petit-Chasseur в Сьоне (кантон Вале, Швейцария), относящегося к 2900–2700 гг. до н. э., показали, что каменные статуи первоначально устанавливались при входе в порталы дольменов (Harrison, Heydt 2007).

Даже выкрашенная красной охрой стела из кургана Кара-Тумсик (рис. 4: 2; 32: 1) по своей трапециевидной форме и положению в кургане представляет собой полную аналогию южнофранцузским стелам из департаментов Воклюз, Лот, Эро (Jallot 1998: 326–328, fig. 2) (рис. 32: 2–8). В могильнике Château Blanc (курганы I, II, III) (Вентабрен, департамент Буш-дю-Рон) такие стелы были вкопаны узкой стороной вниз около могил на краю насыпи с запада (Hasler 1998) (рис. 32: 6–8); эти погребальные сооружения относятся к позднему неолиту и датируются периодом около 3400–2900 гг. до н. э.

Найденные нами в чемурчекских погребениях рисунки охрой (рис. 33: 1–3), особенно в виде параллельных рядов треугольных фестонов, имеют наибольшее сходство с рисунками охрой и гравюрами на плитах испанских и португальских мегалитов (Cura-Morera, Castells 1977; Rodríguez Casal 1990; Leisner 1998) (рис. 33: 6–11), а также с рисунками охрой в коридорных гробницах Ирландии (Eogan 1989: Fig. 17, 18). Рисунки в виде рядов свисающих треугольников нанесены на плиты мегалитической гробницы в Гелитч (Саксония) (рис. 6: 4, 5) (Müller 1996; 1999); здесь же имеются и изображения лука и щита, аналогичные зафиксированным нами на плитах гробницы в кургане Ягшийн ходоо 3 (рис. 6: 3).

Итак, здесь нами показаны элементы чемурчекской погребальной архитектуры, которые не имеют других аналогий, кроме неолита Франции: это налегающие друг на друга подобно «луковой шелухе» насыпи, ритуальные коридоры со стенками, сложенными сухой кладкой, каменные ограды в виде вытянутых прямоугольников или трапеций, а также специфические признаки каменных статуй и специфические формы сосудов. Полный спектр аналогий

этим особенностям чемурчекских памятников можно отыскать в Южной Франции — от Северных Пиренеев по гористым областям Лангедока и Прованса до предгорий Альп: это памятники позднего неолита, в целом датирующиеся концом IV — первой третью III тысячелетия до н. э. Первые чемурчекские памятники в Азии появляются, как мы установили, не позднее конца первой трети III тысячелетия до н. э. Никаким другим образом, кроме как путем миграции европейского населения в первой трети III тысячелетия до н. э., эти элементы культуры не могли «моментально» преодолеть 6500 километров и появиться в предгорьях Монгольского Алтая.

Если это была миграция тохароязычного населения, у нас появляется уникальная возможность определить территории обитания индоевропейских народов в Европе уже на рубеже IV–III тысячелетий до н. э. Ведь данные лингвистики позволяют установить наличие активных контактов пратохарского индоевропейского диалекта с прагерманским и прагреческим, а также менее тесных связей с праславянобалтским и праиталийским (Adams 1984).

Литература

- Варенов А. В.* 1998. Южносибирские культуры эпохи ранней и поздней бронзы в Восточном Туркестане // Гуманитарные науки в Сибири 3. 60–72.
- Волков В. В.* 2002. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир.
- Грушин С. П.* 2009. Радиоуглеродная хронология афанасьевских памятников Горного Алтая // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та. 110–112.
- Грушин С. П., Папин Д. В., Позднякова О. А., Тюрина Е. А., Федорук А. С., Хаврин С. В.* 2009. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та.
- Заднепровский Ю. А.* 1993. Культурные связи населения эпохи бронзы и раннего железа Южной Сибири и Синьцзяна // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Часть II. Археология и изучение культурных процессов и явлений. СПб.
- Кирюшин Ю. Ф.* 2002. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та.
- Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Папин Д. В.* 2007. Проблемы радиоуглеродного датирования археологических памятников бронзового века Алтая // ТПАИ 3. 84–88.
- Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Папин Д. В.* 2009. Радиоуглеродная хронология памятников эпохи раннего металла Алтая // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та. 120–124.
- Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Тишкин А. А.* 2003. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз I). Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та.
- Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М., Тишкин А. А.* 2005. Березовая Лука — поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. 1. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та.
- Кирюшин Ю. Ф., Симонов Е. Н.* 1997. Каменный сосуд из Угловского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы научно-практической конференции. Вып. 8. Барнаул. 167–171.
- Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А.* 2000. Находки свинца при исследованиях памятников эпохи ранней бронзы и свидетельства их производства в предгорно-равнинной части Алтайского края // 300 лет горно-геологической службе России. История горнорудного дела, геологическое строение и полезные ископаемые Алтая. Барнаул. 8–12.
- Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А., Грушин С. П., Эрдэнэбаатар Д., Мунхбаяр Ч.* 2009. Археологические исследования в Монголии и на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том XV. Материалы

- итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2009 г. Новосибирск. 287–290.
- Киселев С. В. 1951. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Наука.
- Ковалев А. А. 2005. Чемурчекский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // Западная и Южная Сибирь в древности. Сборник научных трудов, посвященный 60-летию со дня рождения Юрия Федоровича Кирюшина. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та. 178–184.
- Ковалев А. А. 2007. Чемурчекский культурный феномен (статья 1999 г.) // «А. В.». Сборник научных трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова. СПб. 25–76.
- Ковалев А. А. 2009. Чемурчекский феномен как продукт эволюции мегалитов Атлантического побережья Франции (по материалам радиоуглеродного датирования мегалитических гробниц Западной Европы и памятников чемурчекской культуры) // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та. 130–140.
- Ковалев А. А., Дашковский П. К., Самашев З. С., Тишкин А. А., Горбунов В. В., Грушин С. П., Варенов А. В., Омаров Г., Сунгатай С. 2004. Изучение археологических памятников в Восточном Казахстане // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул. 183–190.
- Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. 2007. Монгольский Алтай в бронзовом и раннем железном веках (по результатам работ Международной Центральноазиатской археологической экспедиции Санкт-Петербургского государственного университета, Института истории АН Монголии и Улан-Баторского государственного университета) // Алтае-Саянская горная страна и история ее освоения кочевниками. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 80–85.
- Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. 2010. Афанасьевско-чемурчекская курганная группа Кургак гови (Хуурай говь) и проблемы внешних связей афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука. 91–108.
- Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. 2010а. Ранний и средний периоды бронзового века Монголии в свете открытий Международной центральноазиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы международной научной конференции. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского ун-та. 89–103.
- Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д., Зайцева Г. И., Бурова Н. Д. 2008. Радиоуглеродное датирование курганов Монгольского Алтая, исследованных Международной Центральноазиатской археологической экспедицией, и его значение для хронологического и типологического упорядочения памятников бронзового века Центральной Азии // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алтайского университета. 172–186.
- Кубарев В. Д. 1979. Древние изваяния Алтая. Оленные камни. Новосибирск: Наука.
- Кубарев В. Д. 1988. Древние росписи Каракола. Новосибирск: Наука.
- Куликов Е. Е., Кирюшин Ю. Ф., Серегин Ю. А., Тишкин А. А., Полтараус А. Б. 2005. Результаты палеогенетических исследований (по материалам погребений младенцев на памятнике Березовая Лука // Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М., Тишкин А. А. (ред.). Березовая Лука — поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. 1. Барнаул: Изд-во Алтайского университета. 216–224.
- Лазаретов И. П. 1997. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. Санкт-Петербург. 19–64.
- Леонтьев С. Н. 2006. К вопросу о керамической традиции окуневской культуры Среднего Енисея // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. Санкт-Петербург. 260–272.
- Литвинский Б. А. 1995. Могильники Или-Казахского автономного округа. Каменные изваяния // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Хозяйство, материальная культура. М.: Наука. 297–302.

- Молодин В. И., Алкин С. В. 1997. Могильник Гумугоу (Синьцзян) в контексте афанасьевской проблемы // Гуманитарные исследования: итоги последних лет. Сборник тезисов научной конференции к 35-летию гуманитарного факультета НГУ. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та. 35–39.
- Поляков А. В. 2010. Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука. 158–171.
- Поляков А. В., Свято С. В. 2009. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита — начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // ТПАИ 5. 20–56.
- Семенов В. А. 1993. Древнейшая миграция индоевропейцев на Восток (К столетию открытия тохарских рукописей) // ПАВ 8. 25–30.
- Семенов В. А. 1997. Окуневские памятники Тувы и Минусинской котловины (сравнительная характеристика и хронология) // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб. 152–160.
- Степанова Н. Ф. 2009. Проблемы абсолютной и относительной хронологии памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. Сборник научных трудов. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та. 154–159.
- Тишкин А. А., Нямдорж Б., Дашковский П. К., Нямсүрэн Л., Мунхбаяр Ч. 2006. Археологические изыскания в Ховдском аймаке (предварительные изыскания) // Эколого-географические, археологические и социоэтнографические исследования в Южной Сибири и Западной Монголии. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та. 107–114.
- Тишкин А. А., Грушин С. П., Мунхбаяр Ч. 2008. Археологическое изучение объектов эпохи бронзы в урочище Улаан худаг (Ховдский аймак Монголии) // ТПАИ 4. 85–92.
- Худяков Ю. С. 1998. Древнетюркские изваяния из Восточного Туркестана // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача. СПб. 215–219.
- Худяков Ю. С., Комиссаров С. В. 2002. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та.
- Эрдэнэбаатар Д., Ковалев А. А. 2009. Археологические культуры Монголии в бронзовом веке // Социогенез в Северной Азии. Материалы 3-й всероссийской конференции (Иркутск, 29 марта — 1 апреля, 2009 г.). Иркутск: Изд-во Иркутского университета. 70–83.
- Adams D. Q. 1984. The Position of Tocharian Among the Other Indo-European Languages // Journal of the American Oriental Society 104. 395–402.
- Arnal J., Balsan L. 1980. Les longs tumulus à dolmen décentré du département de l'Aveyron // GP 23. 183–207.
- Beyneix A. 2003. Traditions funéraires néolithiques en France Méridionale (6000–2200 avant J.-C.). Paris: Éditions Errance.
- Bordreuil M. 1998. Recherches sur le monumentalisme funéraire et les sépultures mégalithiques en Languedoc Oriental // P. Soulier, C. Masset (dir.). La France des dolmens et des sépultures collectives (4500–200 avant J.-C.). Paris: Editions collectives. 135–158.
- Bordreuil M., Bordreuil M.-Ch. 1998. Recherches sur les statues-menhirs porteuses de “haches” // Actes du 2ème colloque international sur la statuaire mégalithique, Saint-Pons-de-Thomières du 10 au 14 septembre 1997. Montpellier. 265–272 (Archéologie en Languedoc. Revue de la Fédération archéologique de l'Herault. N 22.)
- Bordreuil M., Bordreuil M.-Ch., Jallot L. 2006. Dolmens à murs latéraux en pierre sèche en Languedoc Oriental (France), étude préliminaire // R. Joussaume, L. Laporte, C. Scarre (dir.). Origine et développement du mégalithisme de l'ouest de l'Europe. Actes du colloque international. 26–30 Octobre 2002, Bougon (France). Vol. 2. Niort. 283–291.
- Bosch i Lloret À., Tarrús i Galter J. 1990. La cova sepulcral del neolític de l'Avellaner (Cogolls, Les Planes d'Hostoles. La Garrotxa). Girona.

- Bouin F.* 1992. Les tumulus néolithiques de la foret de Benon // Groupe Vendéen d'études préhistoriques 27. 21–36.
- Bouin F.* 1998. Joussaume R. Le tumulus du Planti à Availles-sur-Chizé (Deux-Sèvres) // Le Néolithique du Centre-Ouest de la France. Actes du XXI^e colloque inter-régional sur le Néolithique, Poitiers. 14–16 octobre 1994. Chavigny. 169–182.
- Bueno Ramirez P.* 1998. De Balbín Behrmann R. Novedades en la estatuaria antropomorfa megalítica española // Actes du 2^{ème} colloque international sur la statuaire mégalithique, Saint-Pons-de-Thomières du 10 au 14 septembre 1997. Montpellier. 43–60. (Archéologie en Languedoc. Revue de la Fédération archéologique de l'Herault 22.)
- Buojot Chr., Cassen S.* 1998. Tertres Armoricains et tumulus Carnacéens dans le contexte de la néolithisation de la France occidentale // G. Guilaine (dir.). Sépultures d'occident et genèses des mégalithismes (9000–3500 avant notre ère). Paris: Editions Errance. 109–126.
- Burnez C.* 1971. L'origine et développement du Néolithique dans le centre-ouest de la France // Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa. Teil VI. Frankreich. Köln: Böhlau Verlag. 166–177.
- Briard J.* 1992. Les tertres tumulaires néolithiques de Bretagne intérieure // Actes du 17^e Colloque Interrégional sur le Néolithique, Vannes. 1990. Rennes. 55–62 (RAO 5).
- Chancerel A., Kinnes I.* 1998. Du bois dans l'Architecture: le tumulus de la commune Sèche à Colombiers-sur-Seulles // Au bout du couloir: les mégalithes en Normandie et dans les îles Anglo-Normandes. Weris. 45–47.
- Clottes J.* 1975. Circonscription de Midi-Pyrénées // GP 18. 613–650.
- Clottes J.* 1977. Le mégalithisme en Quercy // L'Architecture mégalithique. Colloque du 150^e anniversaire de la Société Polymathique du Morbihan. Vannes. 7–70.
- Colomer A.* 1979. Les grottes sépulcrales artificielles en Languedoc oriental. Toulouse. (Archives d'Ecologie Préhistorique Toulouse 4).
- Corboud P.* 2009. Les stèles anthropomorphes de la nécropole néolithique du Petit-Chasseur à Sion (Valais, Suisse) // Bulletin d'études préhistoriques et archéologiques alpines 20. 1–89
- Costantini Geoges.* 1984. Le néolithique et le chalcolithique des Grands Causses // GP 27. 121–210.
- Cura-Morera M., Castells J.* 1977. Evolution et typologie des mégalithes de Catalogne // L'Architecture mégalithique. Colloque du 150^e anniversaire de la Société Polymathique du Morbihan. Vannes. 71–97.
- D'Anna A.* 1977. Les statues-menhirs et stèles anthropomorphes du midi Méditerranéen. Paris: Editions du CNRS.
- D'Anna A.* 1995. Le Néolithique final en Provence // J.-L. Voruz (dir.). Chronologies néolithiques. De 6000 à 2000 avant notre ère dans le Bassin rhodanien. Actes du Colloque d'Ambérieu-en-Bugey. 19 et 20 septembre 1992 (XI^e Rencontre sur le Néolithique de la région Rhône-Alpes). Ambérieu-en Bugey. 265–286 (Documents du Département d'Anthropologie de l'Université de Genève 20).
- D'Anna A.* 2002. Les statues-menhirs en Europe à la fin du Néolithique et au début de l'Âge de Bronze // A. Philippon (dir.). Statues-menhirs des énigmes de pierre venues du fond des âges. Rodez: Éditions du Rouergue. 150–177.
- D'Anna A.* 1996. Guthertz X. Jalot L. L'art mégalithique dans le midi de la France: les stèles anthropomorphes et les statues-menhirs néolithiques // Actes du 2^{ème} Colloque International sur l'Art Mégalithique, Nantes. 1995. Rennes. 179–193 (RAO 8.)
- Debaine-Francfort C.* 1989. Archeologie du Xinjiang des origines aux Han. II^{ème} partie // Palearient 15. 183–213.
- Dron J.-L., San Juan G.* 1992. Ernes-Condé-sur-Ifs (Calvados): habitat puis nécropole au Néolithique moyen. Présentation liminaire // Actes du 17^e Colloque Interrégional sur le Néolithique, Vannes, 1990. Rennes. 31–42. (RAO 5.)
- Dumontier P., Thi Mai Bui, Heinz Ch.* 1997. Le dolmen sous tumulus n° 2 de Peyrecor et son paléoenvironnement à Escout (Pyrénées-Atlantiques) // BSPF 94. 527–550.

- Eogan G. 1989. Irish Megalithic Tombs and Iberia: Comparisons and Contrasts // *Probleme der Megalithforschung: Vorträge zum 100. Geburtstag von Vera Leisner*. Berlin, New York: de Gruyter. 113–137.
- Fischer F., Bradfer I., Lanreau C., Semelier P., Burnez C., Brauyguier S., Leroyer Ch. 2007. Extension de la civilisation des Maignons en Saintonge (Charente) et vallée de la Dronne (Dordogne) // *Bulletin de Préhistoire du Sud-Ouest* 14. 57–148.
- Gachina J. 1998. Le dolmen de «La Grosse Pierre» à Ste-Radegonde (Charente-Maritime) // *Le Néolithique du Centre-West de la France. Actes du XXI^e colloque inter-régional sur le Néolithique, Poitiers. 14–16 octobre 1994*. Chavigny. 193–202.
- Galan Antoine. 1967. La station néolithique de la Perte du Cros a Saillac (Lot). I. // *GP* 10. 1. 1–60.
- Galan A., Cavallé A., Riquet R. 1961. La grotte de Marsa (Beauregard, Lot) // *GP* 4. 91–142.
- Gauron E., Massaud J. 1983. La nécropole de Chenon. Etude d'un ensemble dolménique charentais. Paris: Éditions du CNRS.
- Georjon C., Forest V. 1999. Le site de la Roquette à Tresques (Gard) et le Néolithique final du bassin Rhodanien // *GP* 41. 253–297.
- Germond G., Joussaume R., Bizard M. 1978. Le Tumulus du Montiou à Sainte-Soline (Deux-Sèvres). Premières campagnes de fouilles. Premier bilan. // *Bulletin de la Société Historique et Scientifique des Deux-Sèvres* 11. 129–188.
- Giot P.-R. 1987. Barnenez, Carn, Guennoc. Vol. I–II. Rennes: Université de Rennes.
- Girault J.-P. 1986. Le Dolmen de Souillac (Lot) à murs de pierres sèches. Cabrerets.
- Gomez de Soto J. 1998. La nécropole de la Boixe à Vervant, Maine-de-Boixe, Celettes (Charente). Nouvelles recherches sur le monument C // *Le Néolithique du Centre-Ouest de la France. Actes du XXI^e colloque inter-régional sur le Néolithique, Poitiers. 14–16 octobre 1994*. Chavigny. 183–191.
- Gruet M., Passini B. 1986. La Bajoulière en St. Remy-la-Varenne (Marne-et-Loire). Fouille et restauration d'un grand «Dolmen Angevin» // *RAO* 3. 29–46.
- Guilaine J. 1998. Au temps des dolmens. Mégalithes et vie quotidienne en France méditerranéenne il y a 5000 ans. Toulouse: Éditions Privat.
- Guilaine J. 2006. Le phénomène dolménique en Méditerranée Nord-Occidentale // R. Jous-saume, L. Laporte, C. Scarre (dir.). *Origine et développement du mégalithisme de l'ouest de l'Europe. Actes du colloque international. 26–30 octobre 2002, Bougon (France)*. Vol. 2. Niort. 253–282.
- Gutherz X. 1984. Les cultures du néolithique récent et final en Languedoc oriental. Université de Provence (Aix-Marseille I). These de doctorat de 3^e cycle (sciences préhistoriques). Vol. 1–2. Marseille.
- Gutherz X. 1995. Le mégalithisme en Poitou-Charente. Aquis, recherches, protection et mise en valeur // Ph. Soulier, Cl. Masset (dir.). *La France des dolmens et des sépultures collectives (4500–200 avant J.-C.)*. Paris: Editions Errance. 281–290.
- Gutherz X., Jallot L. 1995. Le Néolithique final du Languedoc Méditerranéen Chronologies néolithiques // J.-L. Voruz (dir.). *De 6000 à 2000 avant notre ère dans le Bassin rhodanien. Actes du Colloque d'Ambérieu-en-Bugey. 19 et 20 septembre 1992 (XI^e Rencontre sur le Néolithique de la région Rhône-Alpes)*. Ambérieu-en Bugey. 231–263 (Documents du Département d'Anthropologie de l'Université de Genève 20).
- Hasler A. 1998. Les stèles de la nécropole tumulaire néolithique de Château-Blanc (Ventabren, Bouches-du-Rhône) // *Actes du 2^e colloque international sur la statuaire mégalithique, Saint-Pons-de-Thomières du 10 au 14 septembre 1997*. Montpellier. 105–112 (Archéologie en Languedoc. Revue de la Fédération archéologique de l'Herault 22).
- Harrison R., Heydt V. 2007. The Transformation of Europe in the Third Millennium BC: the example of “Le Petit-Chasseur I±III” (Sion, Valais, Switzerland) // *Prähistorische Zeitschrift* 82. 129–214.
- Jallot L. 1989. Les statues-menhirs un siècle de découvertes et de recherches. Montpellier (Le Courrier Archéologique du Languedoc-Roussillon 37).
- Jallot L. 1998. Enquête typologique et chronologique sur les menhirs anthropomorphes: études de cas dans le Sud de la France, l'Ouest, l'Arc alpin et la Bourgogne // *Actes du 2^e colloque international sur la statuaire mégalithique, Saint-Pons-de-Thomières du 10 au*

- 14 septembre 1997. Montpellier. 317–350 (Archéologie en Languedoc. Revue de la Fédération archéologique de l'Herault 22).
- Joussaume R. 1978. Le dolmen à couloir dit «la Ciste des Cous» à Bazoges-en-Pareds (Vendée) // BSPF 75. 579–596.
- Joussaume R. 1999. Le tumulus du Pey de Fontaine au Bernard (Vendée) // GP 41. 167–222.
- Joussaume R. 2003. Du réaménagement des monuments funéraires néolithiques dans le Center-Ouest de la France // Sens dessus dessous. La recherche du sens en Préhistoire. Amiens. 157–171.
- Joussaume R. 2006. Les tumulus de Champ-Châlon à Benon (Charente-Maritime) et les chambres funéraires à couloir du Poitou et des Charentes. La Roche sur Youn (Groupe Vendéen d'études préhistoriques 42).
- Joussaume R. 2006. Laporte L. Monuments funéraires néolithiques dans l'ouest de la France // R. Joussaume, L. Laporte, C. Scarre (dir.). Origine et développement du mégalithisme de l'ouest de l'Europe. Actes du colloque international. 26–30 octobre 2002, Bougon (France). Vol. 2. Niort. 319–343.
- Joussaume R., Pautreau J.-P. 1990. La Préhistoire du Poitou. Poitou — Vendée — Aunis des Origines à la conquête romaine. Rennes: Editions Ouest-France.
- Kovalev A. 1999. Überlegungen zur Herkunft der Skythen aufgrund archäologischer Daten // Eurasia Antiqua 4 (1998). 247–271.
- Kovalev A. 2000. Die ältesten Stelen am Ertix. Das Kulturphänomen Xemirxek. // Eurasia Antiqua 5 (1999). 135–178.
- Kovalev A. A., Erdenebaatar D. 2009. Discovery of New Cultures of the Bronze Age in Mongolia according to the Data obtained by the International Central Asian Archaeological Expedition // J. Bemmman, H. Parzinger, E. Pohl, D. Tseveendorzh (eds.). Current Archaeological Research in Mongolia. Papers from the First International Conference on “Archaeological Research in Mongolia” held in Ulaanbaatar, August 19th–23rd. 2007. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelm-Universität Bonn. 149–170.
- L'Helgouac'h J. 1962. Le dolmen de Conguel en Quiberon (Morbihan) // BSPF 59. 371–381.
- L'Helgouac'h J. 1966. Les sépultures mégalithiques à entrée latérale en Armorique // Van der Waals (ed.). Neolithic Studies in Atlantic Europe. Proceedings of the Second Atlantic Colloquium. Groningen. 6–11 April. 1964. Groningen. 259–281.
- L'Helgouac'h J. 1967. La sépulture mégalithique à entrée latérale de Crec'h-Quillé en Saint-Quai-Perros (Côtes-du-Nord) // BSPF 64. 659–698
- L'Helgouac'h J. 1976. Le tumulus de Dissignac à Saint-Nazaire (Loire-Atlantique) et les problèmes du contact entre le phénomène mégalithique et les sociétés à industrie microlithique // S. J. De Laet (ed.). Acculturation and Continuity in Atlantic Europe mainly during the Neolithic period and the Bronze Age. Papers presented at the IV Atlantic Colloquium, Ghent 1975. Brugge: De Tempel (Dissertationes archaeologicae gandenses 16). 142–149.
- L'Helgouac'h J. 1995. Locmariaquer, la Table des Marchands et le Grand Menhir (Morbihan) // C. Masset, Ph. Soulier (dir.). Allées couvertes et autres monuments funéraires du néolithique dans la France du Nord-Ouest. Allées sans retour. Paris. 177–180.
- L'Helgouac'h J. 1998. Les groupes humaines du Ve au IIIe millénaire // Préhistoire de la Bretagne. Rennes: Éditions Ouest-France. 231–427.
- L'Helgouac'h J. 1998. Mégalithisme dans les pays de la Loire // Ph. Soulier, Cl. Masset (dir.). La France des dolmens et des sépultures collectives (4500–200 avant J.-C.). Paris: Editions Français. 255–266.
- L'Helgouac'h J. 1999. The megalithic culture of Western France — continuity and change in extraordinary architecture // K. W. Beinbauer, G. Cooney, Ch. E. Gucjisch, S. Kus (Hrsg.). Studien zur Megalithik — Forschungsstand und ethnoarchäologische Perspektiven. Mannheim-Weissbach (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas 21). 133–141.
- L'Helgouac'h J., Lecornec J. 1976. Le site mégalithique “Min goh Ru” près de Larcuste à Colpo (Morbihan) // BSPF 73. 370–397.

- L'Helgouac'h J.* 1989. Le Gouestre D. Poulain H. Le monument mégalithique transepté de la Josselière (ou du Pissot) au Clion-sur-Mer (Loire-Atlantique) // RAO 6. 31–50.
- L'Helgouac'h J., Poulain H.* 1984. Le cairn des Mousseaux à Pornic et les tombes mégalithiques transeptées de l'estuaire de la Loire // RAO 1. 15–32.
- L'Helgouac'h J., Le Roux Ch.-T.* 1965. La sépulture mégalithique à entrée latérale du Champ-Crosset en Quessoy (Côtes-du-Nord) // Annales de Bretagne 72. 7–31.
- L'Helgouac'h J., Le Roux Ch.-T.* 1986. Morphologie et chronologie des grandes architectures de l'Ouest de la France d'après les travaux récents // J.-P. Demoule, G. Guillaune (dir.). Le Néolithique de la France. Hommage à Gérard Bailoud. Paris. 181–191.
- Lagasquie J.-P., Barreau D., Rocher A.* 1996. Le dolmen de la Devèze-Sud à Marcihac-sur-Cèlè (Lot). Approche méthodologique et résultats de la fouille // BSPF 93. 425–433.
- Lagasquie J.-P., Barreau D., Rocher A.* 1999. À propos de l'architecture des dolmens du Quercy // BSPF 96. 635.
- Lagasquie J.-P., Barreau D., Rocher A.* 2006. Le Dolmen des Aguals ou de la Combe de l'Ours, communes de Gréalou-Montbrun (Lot, France) // R. Joussaume, L. Laporte, C. Scarre (dir.). Origine et développement du mégalithisme de l'ouest de l'Europe. Actes du colloque international. 26–30 octobre 2002. Bougon (France). 2 vol. Niort. 293–303.
- Landau J.* 1977. Les représentations anthropomorphes mégalithiques de la région méditerranéenne (3^e au 1^{er} millénaire). Paris: Ed. du CNRS.
- Laporte L.* 1996. Quelques réflexions sur le Néolithique final du Centre-Ouest de la France // RAO 13. 51–74.
- Laporte L., Joussaume R., Scarre Ch.* 2002. Le tumulus C de Péré à Prissé-la-Charrière (Deux-Sèvres) // GP 44. 167–214.
- Lecornec J.* 1994. Le Petit Mont (Arzon-Morbihan). Arzon (Documents Archéologiques de l'Ouest).
- Lecornec J.* 1996. L'allée couverte de Bilgroix Arzon, Morbihan // Bulletin mensuel de la Société Polymathique du Morbihan 122. 15–64.
- Le Goffic M.* 1990. Survivance d'un mégalithe: l'allée couverte de Porz-Poulhan en Plouhinec (Finistère) // La Bretagne et l'Europe préhistoriques: Mémoire en hommage à Pierre-Roland Giot (RAO 2). 101–116.
- Le Goffic M.* 1994. Le dolmen de Ti-ar-Boudiged en Brennilis // BSAF 123. 131–162.
- Leisner V.* 1998. Die Megalithgräber der Iberischen Halbinsel. Der Westen. 4. Lieferung. Berlin (Madrider Forschungen. Band 1).
- Le Roux Ch.-T.* 1975. Circonscription de Bretagne // GP 18. 511–539.
- Le Roux Ch.-T.* 1976. Sépulture transeptée de Cruguellic (Ploemeur, Morbihan) // P.-R. Giot (dir.). Union Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. IX^e Congrès. Livret-guide de l'excursion A 3. Bretagne. Paris. 106–108.
- Le Roux Ch.-T.* 1977. Circonscription de Bretagne // GP 20. 407–432.
- Le Roux Ch.-T.* 1995. Les mégalithes et les tumulus de Saint-Just, Ille-et-Vilaine. Évolution et acculturations d'un ensemble funéraire (5000 à 1500 ans avant notre ère). Paris: Éd. du C. T. H. S.
- Le Roux Ch.-T.* 1998. Du menhir à la statue dans le mégalithisme armoricain // Actes du 2^e colloque international sur la statuaire mégalithique, Saint-Pons-de-Thomières du 10 au 14 septembre 1997. Montpellier. 217–235 (Archéologie en Languedoc. Revue de la Fédération archéologique de l'Herault 22.)
- Le Roux Ch.-T.* 1999. Réflexions autour d'une chrono-typologie du mégalithisme Armoricain des V^e et IV^e millénaires avant J.-C. // G. Guillaune (dir.). Mégalithismes de l'Atlantique à l'Éthiopie. Paris: Editions Errance. 41–56.
- Le Roux Ch.-T., Gaumé É., Lecerf Y., Tinévez J.-Y.* 2006. Monuments mégalithiques à Loqmariaquer (Morbihan). Le long tumulus d'Er Grah dans son environnement. Paris: CNRS Editions.
- Le Roux Ch.-T., L'Helgouac'h J.* 1967. Le cairn mégalithique avec sépultures à chambres compartimentées // Annales de Bretagne 74. 7–52.

- Le Roux Ch.-T., Lecerf Y.* 1977. Le dolmen de Cruguellic en Plœmeur et les sépultures transeptées armoricaines // L'Architecture mégalithique. Colloque du 150e anniversaire de la Société Polymathique du Morbihan. Vannes. 143–160.
- Le Roux Ch.-T., Lecerf Y.* 1980. Le cairn de Ty-Floc'h à Saint-Thois (fouilles de 1978–1979) // BSAF 108. 27–49.
- Marchat A.* 1989. Etude d'un recensement de mégalithes dans l'arrondissement de Lannion (Côtes-du Nord). Université de Paris I. Mémoire de maîtrise.
- Márques C. C., Leisner G., Leisner V.* 1952. Los sepulcros megalíticos de Huelva. Excavaciones arqueológicas del plan nacional 1946. Madrid (Ministerio de educación nacional. Comisaria general de excavaciones arqueológicas. Informes y memorias 26.)
- Masset C., Soulier Ph. (dir.)*. 1995. Allées couvertes et autres monuments funéraires du néolithique dans la France du Nord-Ouest. Allées sans retour. Paris: Editions Errance.
- Mégalithisme et Société. 1990. Table ronde S. N. R. S. des Sables d'Olonne (Vendée). 2–4 Novembre 1987 / R. Joussaume — dir. La Roche Sur Yon.
- Mohen J.-P., Scarre Ch.* 2002. Les Tumulus de Bougon. Complexe mégalithique du Ve au IIIe millénaire. Paris: Éditions Errance.
- Montjardin R.* 1998. Menhirs et statues-menhirs en Ardèche // Actes du 2ème colloque international sur la statuaire mégalithique, Saint-Pons-de-Thomières du 10 au 14 septembre 1997. Montpellier. 197–205 (Archéologie en Languedoc. Revue de la Fédération archéologique de l'Herault 22.)
- Müller D. W.* 1996. Ornamente, Symbole, Bilder — zum megalithischen Totenbrauchtum in Mitteldeutschland // Actes du 2ème Colloque International sur l'Art Mégalithique, Nantes. 1995. Rennes. 179–193 (RAO 8).
- Müller D. W.* 1999. Petroglyphen aus mittelneolithischen Gräbern von Sachsen-Anhalt // K. W. Beinhauer, G. Cooney, Ch. E. Gucjusch, S. Kus (Hrsg.). Studien zur Megalithik — Forschungsstand und ethnoarchäologische Perspektiven. Mannheim-Weissbach (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas 21). 199–214.
- Müller J.* 1997. Die absolutchronologische Datierung der europäischen Megalithik // B. Fritsch, M. Maute, I. Matuschik, J. Müller, C. Wolf (Hrsg.). Tradition und Innovation. Prähistorische Archäologie als historische Wissenschaft. Festschrift für Christian Strahm. Rahden/Westf. Abb. (Internationale Archäologie — Studia honoraria 3). 63–105.
- Müller J.* 1999. Zur Entstehung der europäischen Megalithik // K. W. Beinhauer, G. Cooney, Ch. E. Gucjusch, S. Kus (Hrsg.). Studien zur Megalithik — Forschungsstand und ethnoarchäologische Perspektiven. Mannheim-Weissbach (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas 21). 51–81.
- Pajot B.* 1999. Les dolmens du Quercy // G. Guilain (dir.). Mégalithismes de l'Atlantique à l'Ethiopie. Paris: Editions Errance. 143–172.
- Patte É.* 1971. Quelques sépultures du Poitou, du Mésolithique au Bronze moyen // GP 14. 141–244.
- Patton M.* 1993. Statements in Stone. Monuments and Society in Neolithic Brittany. London; New York: Routledge.
- Pedrotti A.* 1998. Gli elementi d'abbigliamento e d'ornamento nelle statue stele dell'arco alpino // Actes du 2ème colloque international sur la statuaire mégalithique, Saint-Pons-de-Thomières du 10 au 14 septembre 1997. Montpellier. 299–315 (Archéologie en Languedoc. Revue de la Fédération archéologique de l'Herault 22.)
- Petrequin P.* 1998. Les lacs de Chalain et de Clairvaux : dynamique évolutive des styles céramiques et transferts de population // GP 40. 133–140.
- Petrequin P., Chastel J., Giligny F., Pétrequin A.-M., Saintot S.* 1987. Réinterprétation de la Civilisation Saône-Rhône // GP 30. 1–89.
- Polles R.* 1983. Contribution à l'étude de la céramique du néolithique final de la Bretagne. Mémoire de Maîtrise du second cycle. Université de Paris I. Paris. Vol. I–II.
- Ponts F., Chalard P., Salgues T., Jarry M., Bevilacqua R., Montécinos A., Bruxelles L.* 2004. Le site néolithique de Fontréal. Un exemple d'occupation en zone humide dans la vallée

- der la Garonne (Castelnaud-d'Estrétefonds-Haute-Garonne) // Bulletin de Préhistoire du Sud-Ouest 11. 173–215.
- Prieto Martínez P. 2005. La cerámica neolítica en Galicia. Estudio de síntesis desde la perspectiva de la Arqueología del Paisaje // Actas del III Congreso del Neolítico de la Península Ibérica. Santander: Servicio de Publicaciones, Universidad de Cantabria. 337–348.
- Rodríguez Casal A. A. 1990. O Megalitismo: A primeira arquitectura monumental de Galicia. Santiago de Compostela: Universidade. Servicio de Publicacións e Intercambio Científico (Bibliotheca de Divulgación 4. Serie Galicia).
- Roudil J.-L., Vincent P. 1972. La grotte du Pins (Blandas, Gard) // BSAF 69. 570–584.
- Roussot-Laroque J. 1986. Le groupe de Roquefort dans son contexte Atlantique // RAO 1. 167–188.
- Sauzade G. 1995. Les sépultures collectives Provençales // Ph. Soulier, Cl. Masset (dir.). La France des dolmens et des sépultures collectives (4500–200 avant J.-C.). Paris: Editions Errance. 292–328.
- Sauzade G. 2008. L'architecture des tombes dans le Sud // J. Tarrête, Ch.-T. Le Roux (dir.). Archéologie de la France. Le Néolithique. Paris: Picard. 336–351.
- Sauzade G., Buisson-Catil J., Bizot B. 2003. Le Dolmen de l'Ubac à Goult (Vaucluse) et son environnement immédiat // J. Gascó, X. Gutherz, P.-A. De Labriffe (dir.). Temps et espaces culturels. Actualité de la recherche. Actes des Quatrièmes Rencontres Méridionales de Préhistoire Récente, Nîmes. 28–29 octobre 2000. Nîmes. 335–346 (Mémoire d'Archéologie Méditerranéenne 15).
- Serres J.-P. 2002. Les statues-menhirs du groupe rouergat // A. Philippon (dir.). Statues-menhirs des énigmes de pierre venues du fond des âges. Rodez: Éditions du Rouergue. 54–91.
- Srejovic D. 1972. Europe's First Monumental Sculpture: New Discoveries at Lepenski Vir. New York: Stein and Day.
- Svyatko S. V., Mallory J. P., Murphy E. M., Polyakov A. V., Reimer P. J., Schulting R. J. 2009. New radiocarbon dates and a review of the chronology of prehistoric populations from the Minusinsk Basin, Southern Siberia, Russia // Radiocarbon 51. 243–273.
- Ван Бо. 1996. Чемурчек вэньхуа чутань (Предварительное исследование культуры Чемурчек) // Каогу вэнь яньцзю. Сибэй дасюэ каогу чжуанье чэнли сыши чжоу нянь вэньцзи (1956–1996) (Исследования по археологии и культурному наследию. Сборник статей, посвященных сорокалетию факультета археологии Северо-Западного университета (1956–1996)). Ланьчжоу. 274–285.
- Ван Бо, Ци Сяошань. 1996. Сычоу чжи лу цаоюань шижэнь яньцзю (Исследование каменных антропоморфных изваяний степей на Шелковом пути). Урумчи (Сычоу чжи лу яньцзю цуншу (Серия по исследованиям шелкового пути). 7).
- Ван Линьшань, Ван Бо. 1996. Чжунго Алтай шань цаоюань вэньу (Культурное наследие степей китайского Алтая). Шэньчуань.
- Кэвалёфу А. А., Эрдэнебатаэр Д. 2009. Мэнгу цинтун шидай вэньхуа синь фасянь (Новые открытия культур бронзового века Монголии) // Бяньцзян каогу яньцзю. Т. 8. 246–279.
- Ли Чжэн. 1962. — Ли Чжэн. Алтай дицю шижэнь му дяоча цзяньбао (Краткое сообщение об исследованиях могил с каменными антропоморфными изваяниями в районе Алтай) // Вэньу. № 7/8. 103–108.
- Линь Мэйцунь. 2002. Тухоло жэнь дэ ци ю цянй си (Происхождение и миграции тохаров) // Синьцзян вэньу. № 3–4. 69–82.
- Линь Юнь. 2008. Гуанью Синьцзян бэй бу Циэрмуцикэ лэйсин ицунь дэ ци гэ вэньти — цун Буэрцинй сянь чуту дэ тао ци шо ци (Несколько вопросов о памятниках типа Циэрмуцикэ в северной части Синьцзяна — начиная с обсуждения керамики, раскопанной в уезде Бурчун) // Цинчжу Хэ Бинди сяньшэн цзюши хуадань луньвэнь цзи (Сборник статей в честь 90-летия Хэ Бинди). Сиань: Сань Цинь чубаньшэ.
- Синьцзян шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсюо (Институт археологии академии общественных наук Синьцзяна). 1981. Синьцзян Кэрмуци му фацзюэ цзяньбао (Краткое сообщение о раскопках могил в Кэрмуци, Синьцзян) // Вэньу. № 1. 23–32.

- Синьцзян шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо* (Институт археологии академии общественных наук Синьцзяна). 1985. Синьцзян гудай миньцзу вэньу (Культурное наследие древних народностей Синьцзяна). Урумчи.
- Чжан Юйчжун. 2005. Буэрцинь фасянь дэ цайхуй шигуань му (Расписанная узорами могила в виде каменного ящика, обнаруженная в уезде Бурцинь) // Синьцзян вэньу. № 1. 124–125.
- Чэнь Гэ. 1995. Синьцзян юаньгу вэньхуа чу лунь (Первоначальное рассмотрение культур Синьцзяна в глубокой древности) // Чжунъя сюэкань. Т. 4. 6–72.
- Шуй Тао. 2001. Синьцзян цинтун шидай чжэ вэньхуа дэ сецзяо яньцзю — фу лунь цзао ци чжунси вэньхуа цзяолиу дэ лиши цзиньчэн (Сравнительное исследование культур бронзового века Синьцзяна — дополнительно об историческом процессе культурного обмена между Средним государством и Западом в ранний период) // Шуй Тао. Чжунго сибэй дицю цинтун шидай каогу яньцзю (Исследования по археологии бронзового века Северо-Запада Китая). Пекин: Кэсюэ чубаньшэ. 6–46.



Рис. 1. Местонахождение исследованных чемурчекских погребальных памятников. 1 — «могильник Кэрмуци» (уезд Алтай, Синьцзян, КНР); 2 — могильники Айна-Булак, Копа, Булгартаботы, Ахтума (Курчумский район Восточно-Казахстанской области, Республика Казахстан); 3 — могильники Ягшийн ходоо, Хэвийн ам, курган Буурал харын ар (Булган сомон, Ховд аймак, Монголия); 4 — курганы Кулала ула, Кургак гови 2, Кумди гови, Кара-тумсик (Уланхус сомон, Баян-Ульги аймак, Монголия); 5 — могильники Улаан худаг I, II, Шар сум I, Халзан узуур I, II (Ховд сомон, Ховд аймак, Монголия); 6 — Усть-Каменка II (Третьяковский район, Алтайский край, Россия).

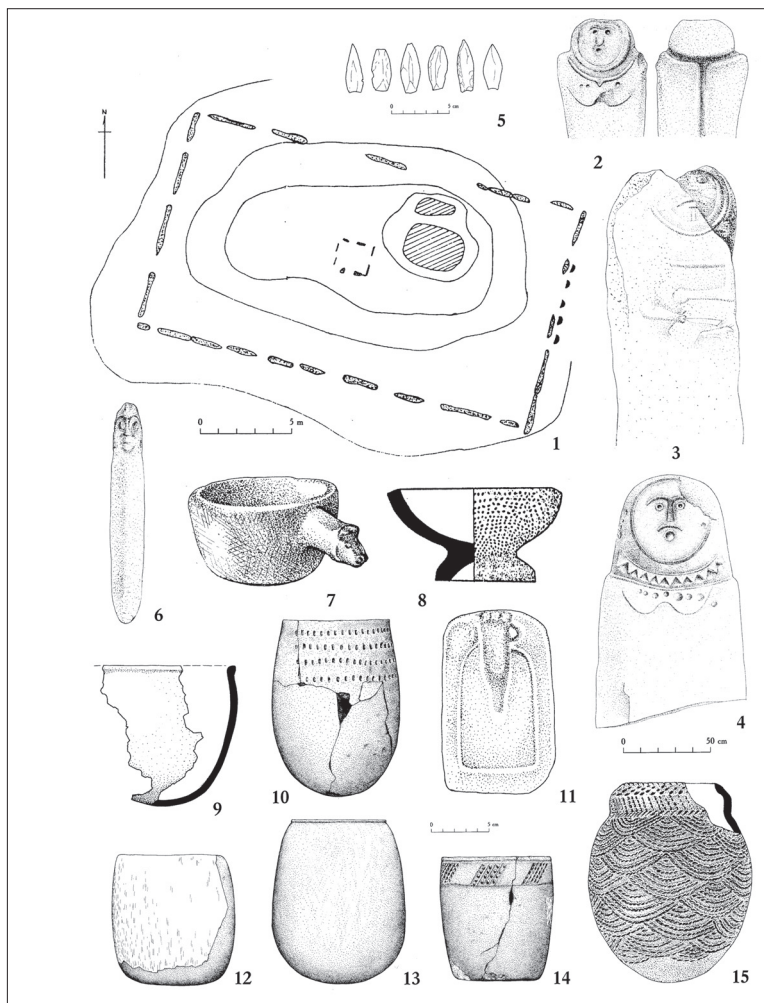


Рис. 2. Чемурчекские памятники долины реки Чемурчек (уезд Алтай, Синьцзян, КНР). 1 — план кургана Кайнарл № 1 со статуями Кэрмуци 6–9 по нумерации Ли Чжэна (Ван Бо 1996: рис. 1). Остальное по Ковалев 2007: 2 — каменная статуя Кайнарл 2 № 1 по нумерации Ван Линьшаня и Ван Бо, по нумерации Ли Чжэна — Кэрмуци 2; 3 — каменная статуя № 3 у кургана Кайнарл 1 по нумерации Ван Линьшаня и Ван Бо, по нумерации Ли Чжэна — Кэрмуци 8; 4 — каменная статуя Кайнарл 2 № 2 по нумерации Ван Линьшаня и Ван Бо, была установлена с восточной стороны кургана Кэрмуци М2, раскопанного И Маньбаем в 1963 г.; 5 — каменные наконечники стрел из каменных ящиков т1, т2 кургана Кэрмуци М7; 6 — каменный жезл из каменного ящика («булганского типа») М21 могильника Кэрмуци; 7 — каменный ковш с изображением головы быка из кургана Кэрмуци М16; 8 — глиняная курительница из каменного ящика кургана Кэрмуци М24; 9 — глиняный сосуд, находка А. А. Ковалева в грабительском выкиде из каменного ящика т2 кургана Кэрмуци М17; 10, 15 — глиняные сосуды из ограды кургана Кэрмуци М16; 11 — каменная литейная форма из комплекса принадлежностей литейщика за стенкой ящика т1 кургана Кэрмуци М17; 12 — глиняный сосуд из каменного ящика в кургане Кэрмуци М2; 13 — каменный сосуд из каменного ящика т2 кургана Кэрмуци М7; 14 — глиняный сосуд из каменного ящика т1 кургана Кэрмуци М7.

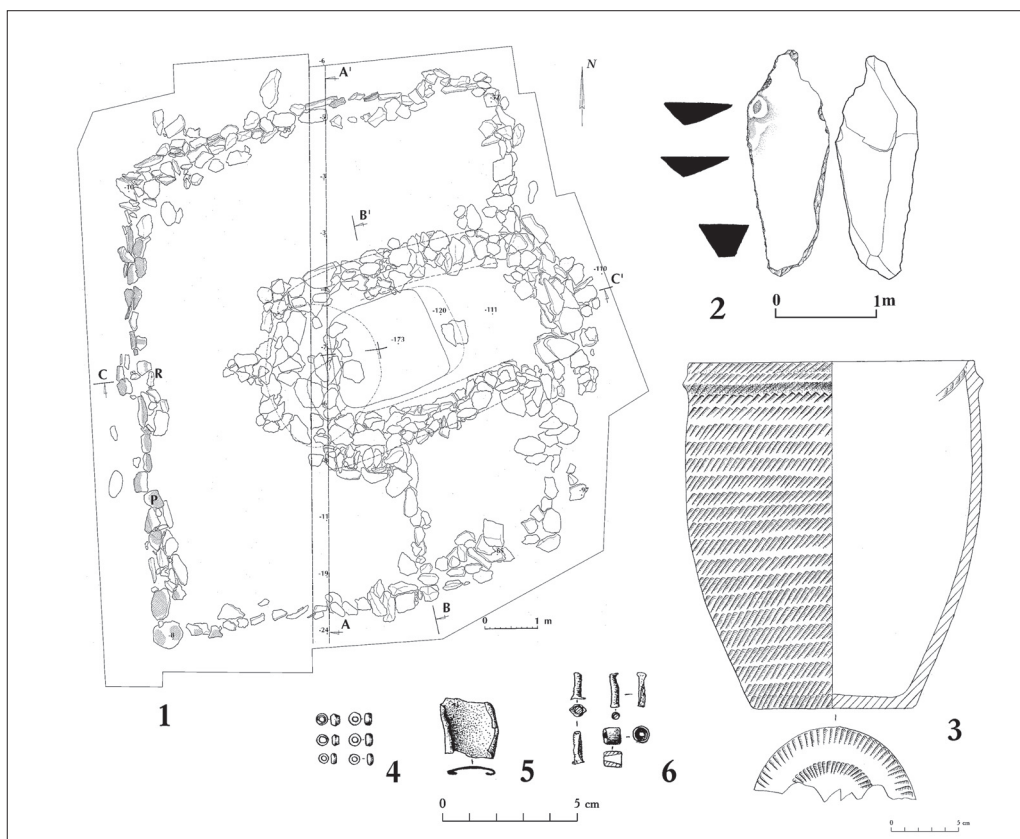


Рис. 3. Чемурчекские памятники Восточного Казахстана (Курчумский район Восточно-Казахстанской области, раскопки МЦАЭ). 1 — план кургана Ахтума; 2 — каменная стела в 10 метрах к востоку от середины восточной стенки ограды кургана Копа 2; 3 — глиняный сосуд из могильной ямы кургана Булгартаботы 1 (реконструкция); 4 — аргиллитовый бисер из могильной ямы кургана Булгартаботы 2; 5 — секция бронзового браслета из могилы кургана Булгартаботы 2; 6 — бронзовые трубочки и сердоликовая бусина из могильной ямы кургана Копа 2.

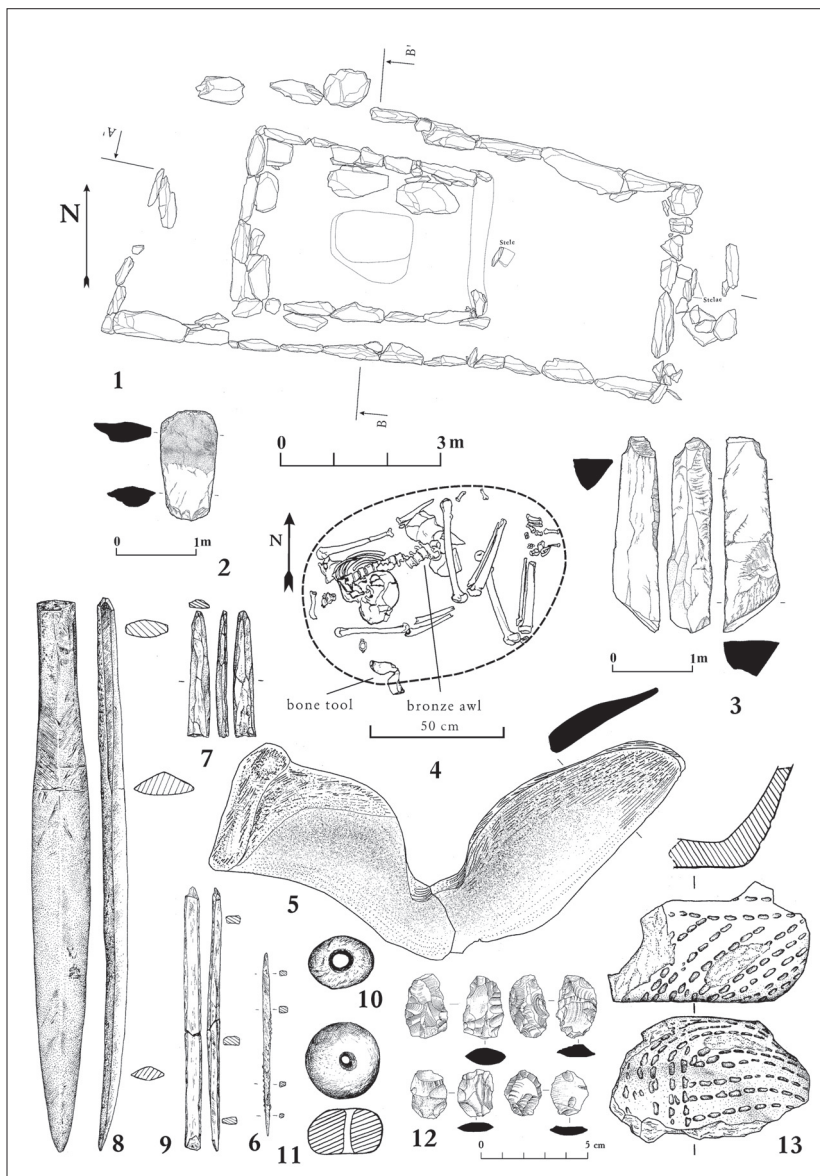


Рис. 4. Чемурчекские памятники Баян-Ульги аймака Монголии (раскопки МЦАЭ). 1 — план ограды кургана Кара-тумсик; 2 — каменная стела, покрытая охрой, из кургана Кара-тумсик; 3 — каменная стела, установленная с южной стороны ограды кургана Кулала ула; 4 — курган Кумди гови, план впускной могилы 2; 5, 6 — костяное трепало и бронзовое шило из могилы 2 кургана Кумди гови; 7, 8, 10 — фрагмент костяного наконечника стрелы, костяной кинжал и известняковый шар из основной могилы кургана Кулала ула; 9 — костяной наконечник стрелы из могильной ямы кургана Кара-тумсик; 11 — мраморный шар из основной ямы кургана Кумди гови; 12 — каменные орудия из впускной могилы 1 кургана Кургак гови 2; 13 — фрагмент глиняного сосуда из могильной ямы кургана Кара-тумсик.

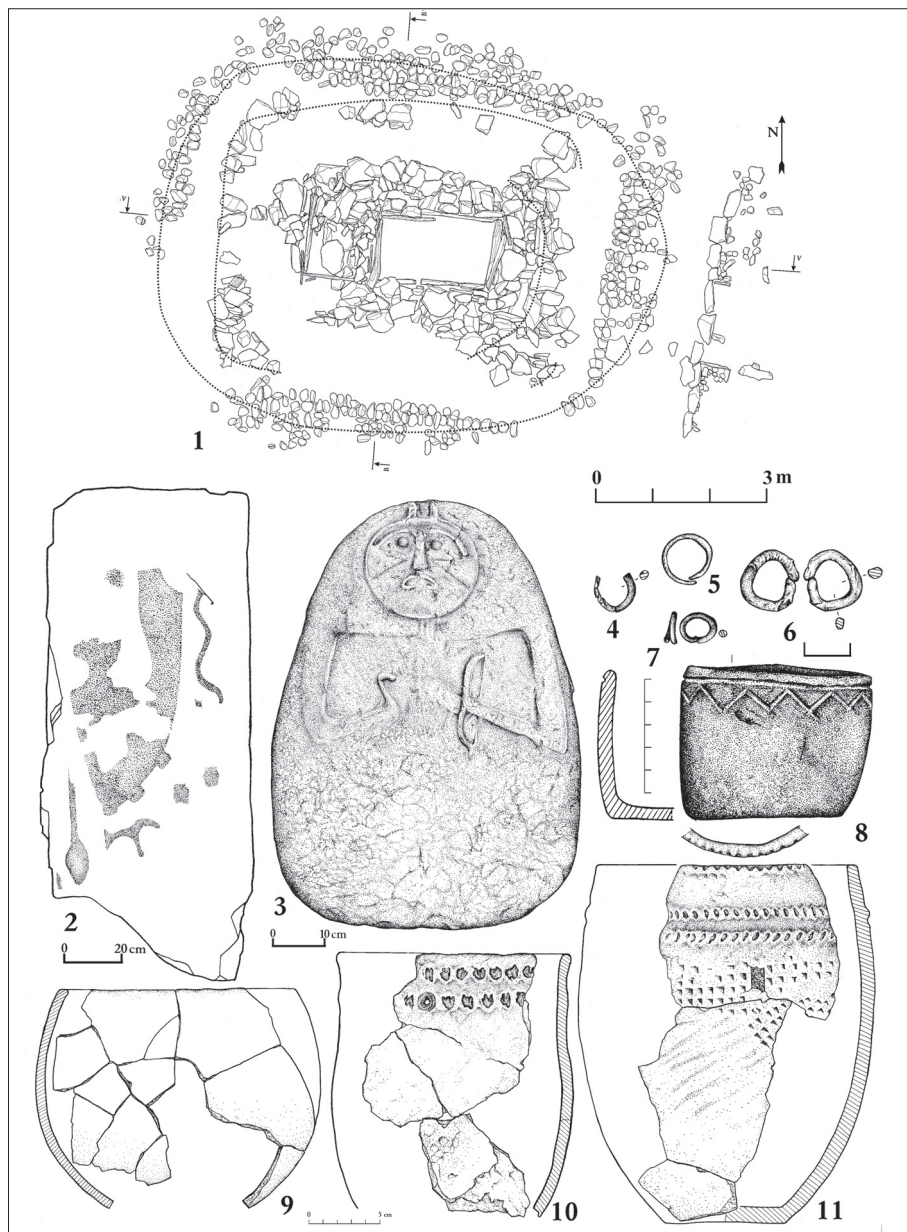


Рис. 5. Чемурчекские памятники Юга Монгольского Алтая (Булган сомон, Монголия, раскопки МЦАЭ). 1 — план кургана Хэвийн ам 1; 2 — плита стенки каменного ящика с росписью красной краской из кургана Ягшийн ходоо 3; 3 — каменная статуя у кургана Ягшийн ходоо 3; 4, 5, 7 — свинцовые (4, 5) и бронзовое (7) височные кольца из каменного ящика кургана Ягшийн ходоо 1; 6 — свинцовое височное кольцо из каменного ящика кургана Ягшийн ходоо 3; 8 — каменный сосуд из каменного ящика кургана Буурал харын ар; 9–11 — глиняные сосуды из курганов Ягшийн ходоо 1 (9, 10) и Ягшийн ходоо 3 (11).

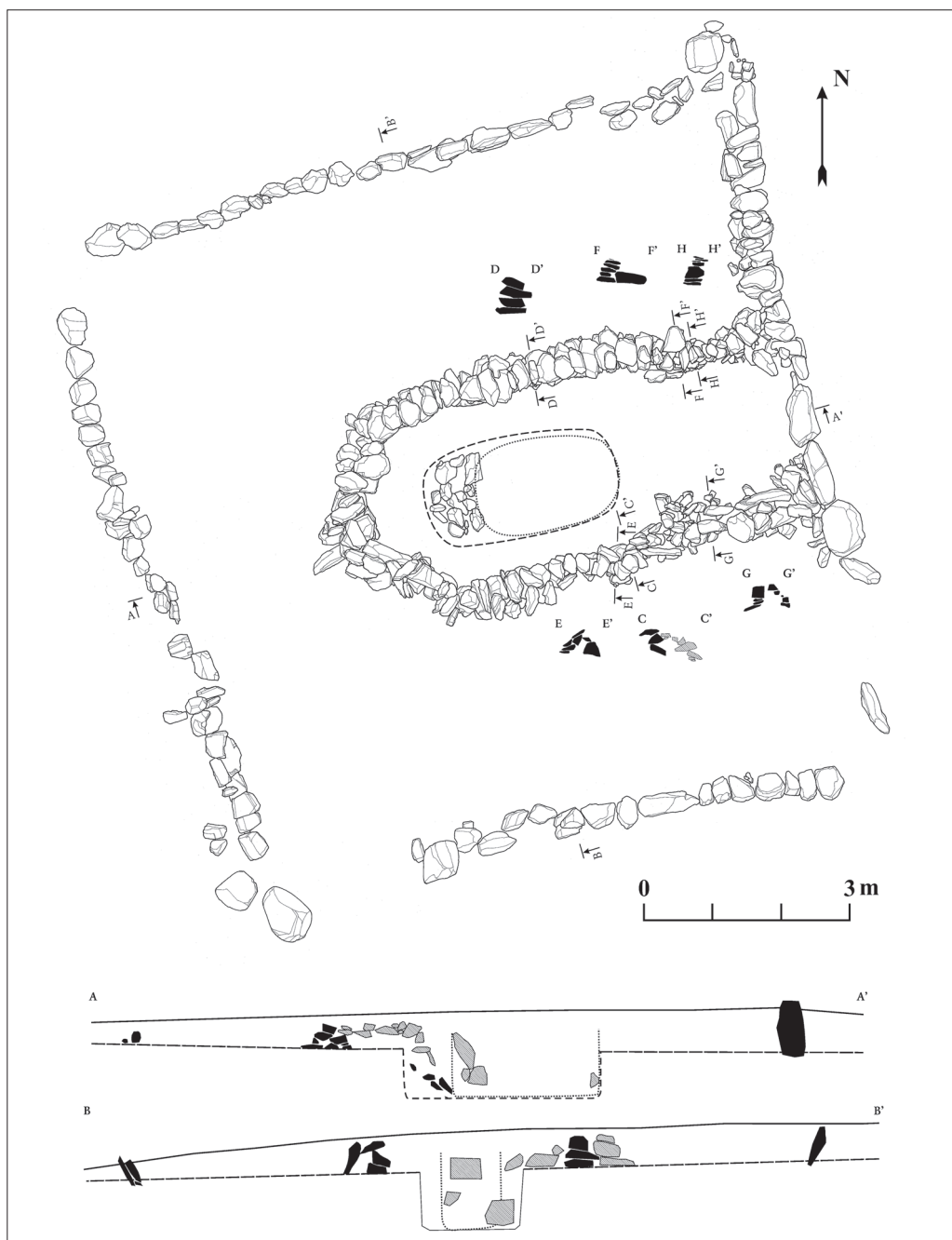


Рис. 6. Курган 3 могильника Айна-Булак I (Курчумский район, Восточно-Казахстанская область, Казахстан, раскопки МЦАЭ).

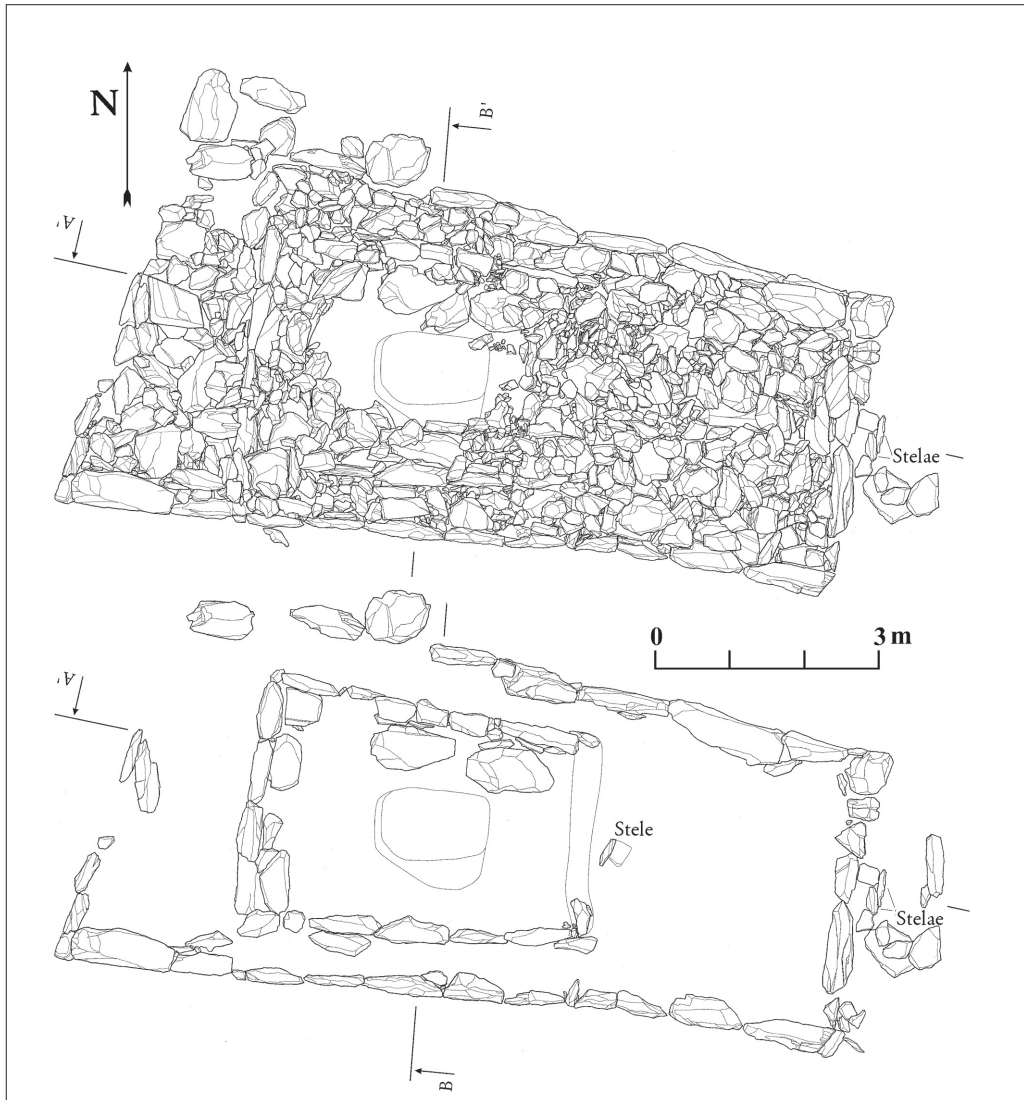


Рис. 7. Курган Кара-тумсик (Уланхус сомон, Баян-Ульги аймак, Монголия, раскопки МЦАЭ). Планы до и после снятия каменного панциря.

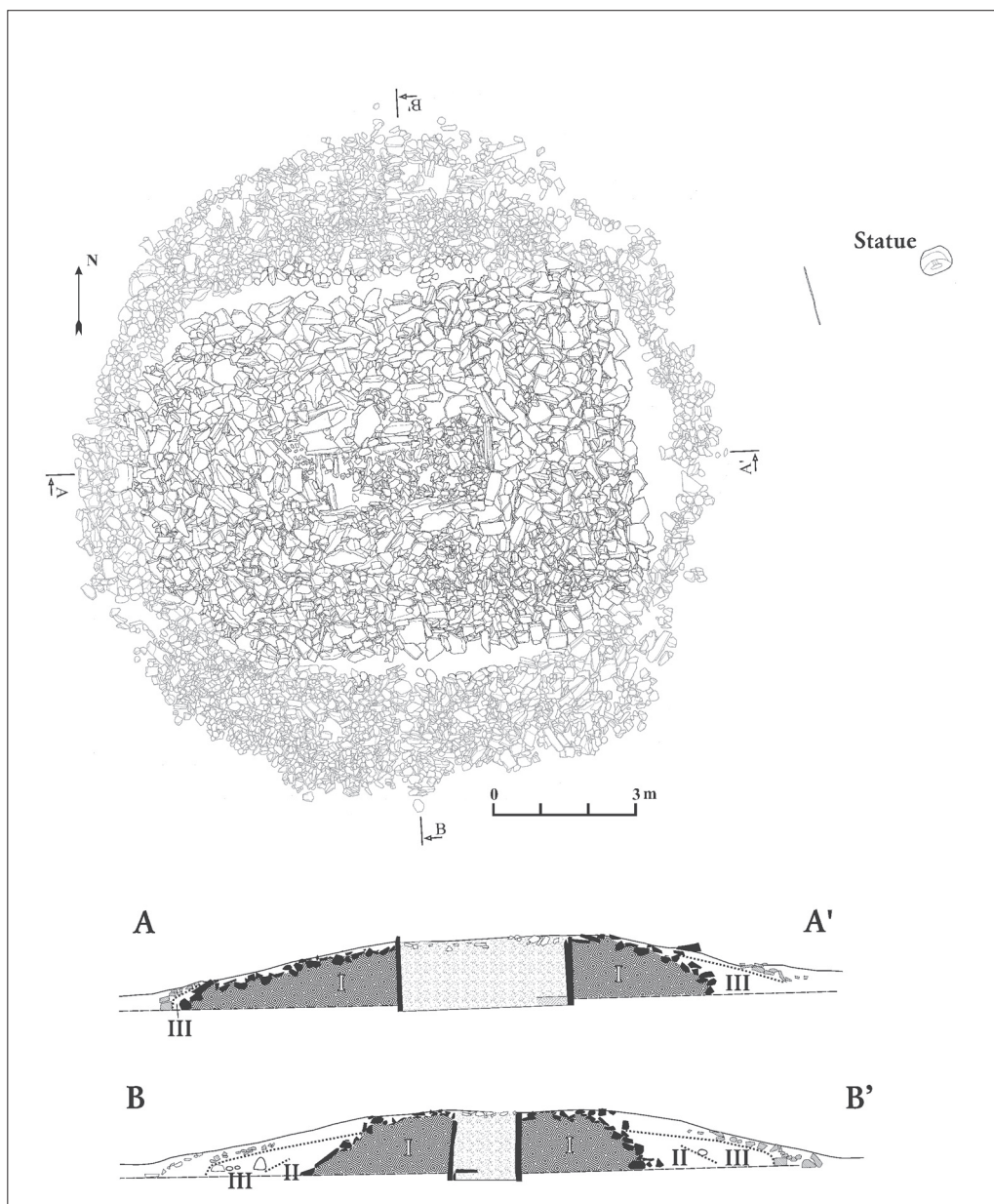


Рис. 8. Курган Ягшийн ходоо 3 (Булган сомон, Ховд аймак, Монголия, раскопки МЦАЭ). Общий план, разрезы. I, II, III — насыпи.

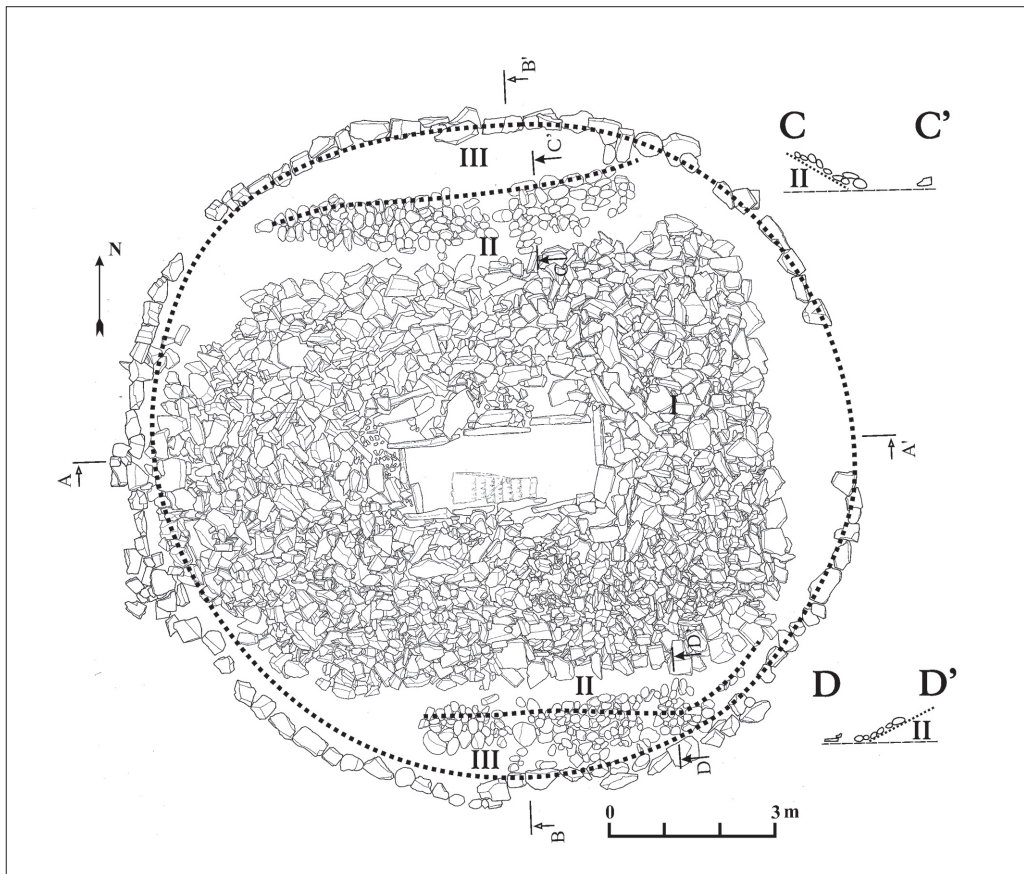


Рис. 9. Курган Ягшийн ходоо 3 (Булган сомон, Ховд аймак, Монголия, раскопки МЦАЭ). План и разрезы после снятия насыпи III (крепида насыпи сохранена). I, II, III — насыпи.



Рис. 10. Курган Хэвийн ам 1 (Булган сомон, Ховд аймак, Монголия, раскопки МЦАЭ). Общий план, разрезы. I, II, III — насыпи. С востока — имитация портала из вертикальных плиток.

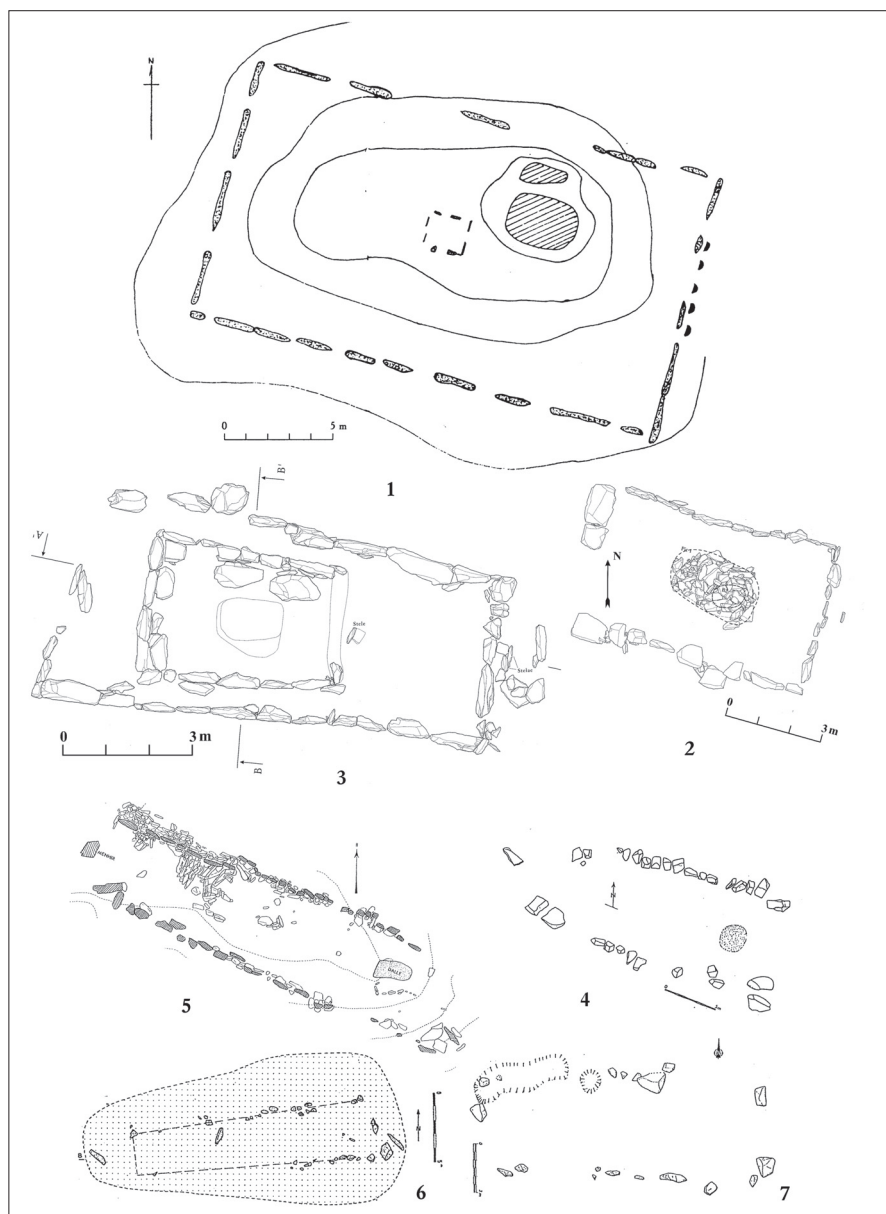


Рис. 11. Вытянутые чемурчешские погребальные и ритуальные ограды. 1 — Кайнарл 1 со статуями «Кэрмуци 6–9» (по нумерации Ли Чжэна), волость Чемурчек, уезд Алтай, Синьцзян (по Ван Бо 1996: рис. 1); 2 — Кумди гови (Уланхус сомон, Баян-Ульги аймак, Монголия); 3 — Кара-тумсик (Уланхус сомон, Баян-Ульги аймак, Монголия). Курганные холмы Западной Франции (по Le Roux 1995: fig. 26, 29): 4 — Notre Dame de Lorette (Le Quillo, деп. Кот-Д’Армор); 5 — La Croix Saint-Pierre (Saint-Just, деп. Иль и Вилен); 6 — La Croix-Madame (Saint-Just, деп. Иль и Вилен); 7 — La Gaudinais (Langon, деп. Жиронда).

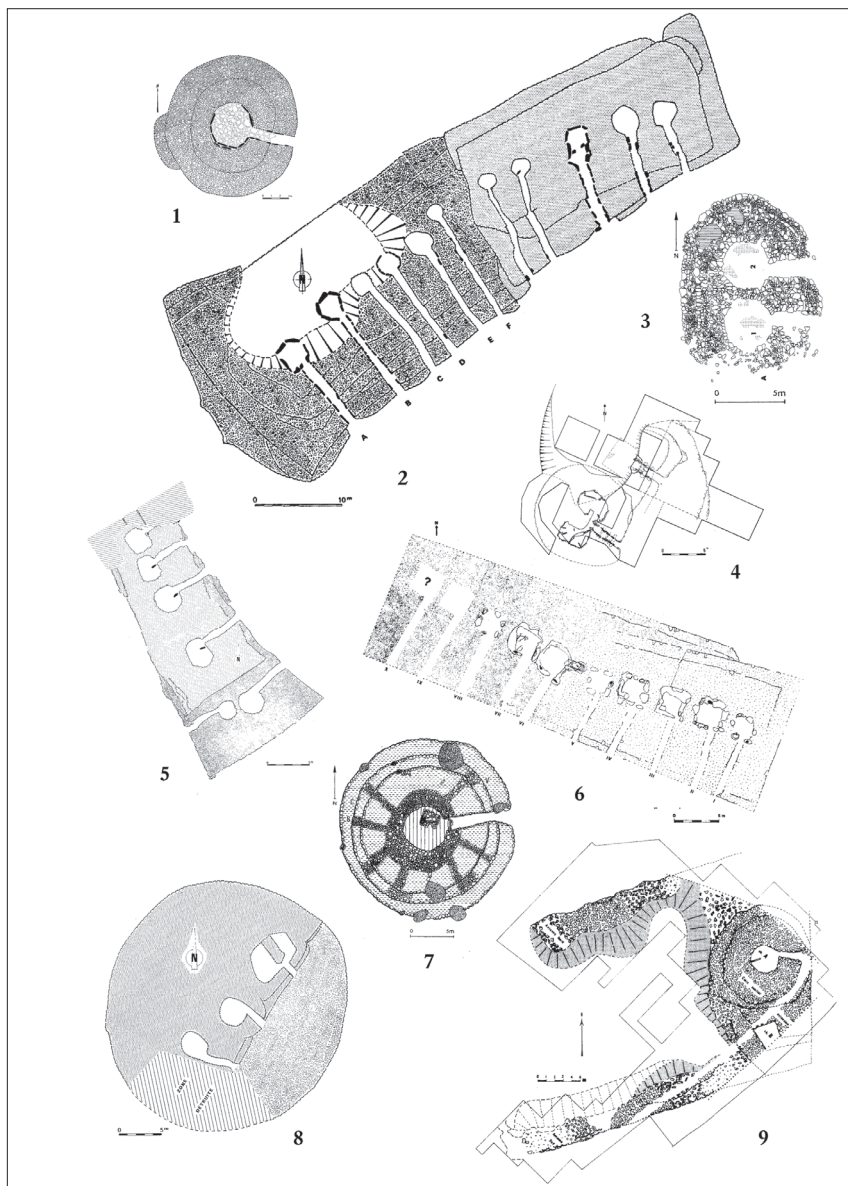


Рис. 12. Курганы среднего неолита Франции со множественными периметральными «фасадами» (V тысячелетие до н. э.): 1 — Ciste des Cous (Bazoges-en-Pareds, деп. Вандея) (Joussaume 1978: fig. 3); 2 — Barnenez (Plouézoch, деп. Финистер) (L'Helgouac'h 1998: 244); 3 — Bruyère de Hamel, дольмен А (Condé-sur-Ifs, деп. Кальвадос) (Dron, San Juan 1992: fig. 9); 4 — Ty-Floc'h (Saint-Thois, деп. Финистер) (Le Roux, Lecerf 1980: fig. 35); 5 — cairn 3 de Guennoc (Plouguerneau, деп. Финистер) (Giot 1987); 6 — Planti (Availles-sur-Chizé, деп. Дё-Севр) (Bouin, Joussaume 1998: fig. 2); 7 — Ernes (Dron, San Juan 1992: fig. 8); 8 — Île Carn (Ploudalmézeau, деп. Финистер) (Giot 1987); 9 — Butte à Lucerne (Vierville, деп. Манш) (Mégalithisme et Société 1990: fig. 44).

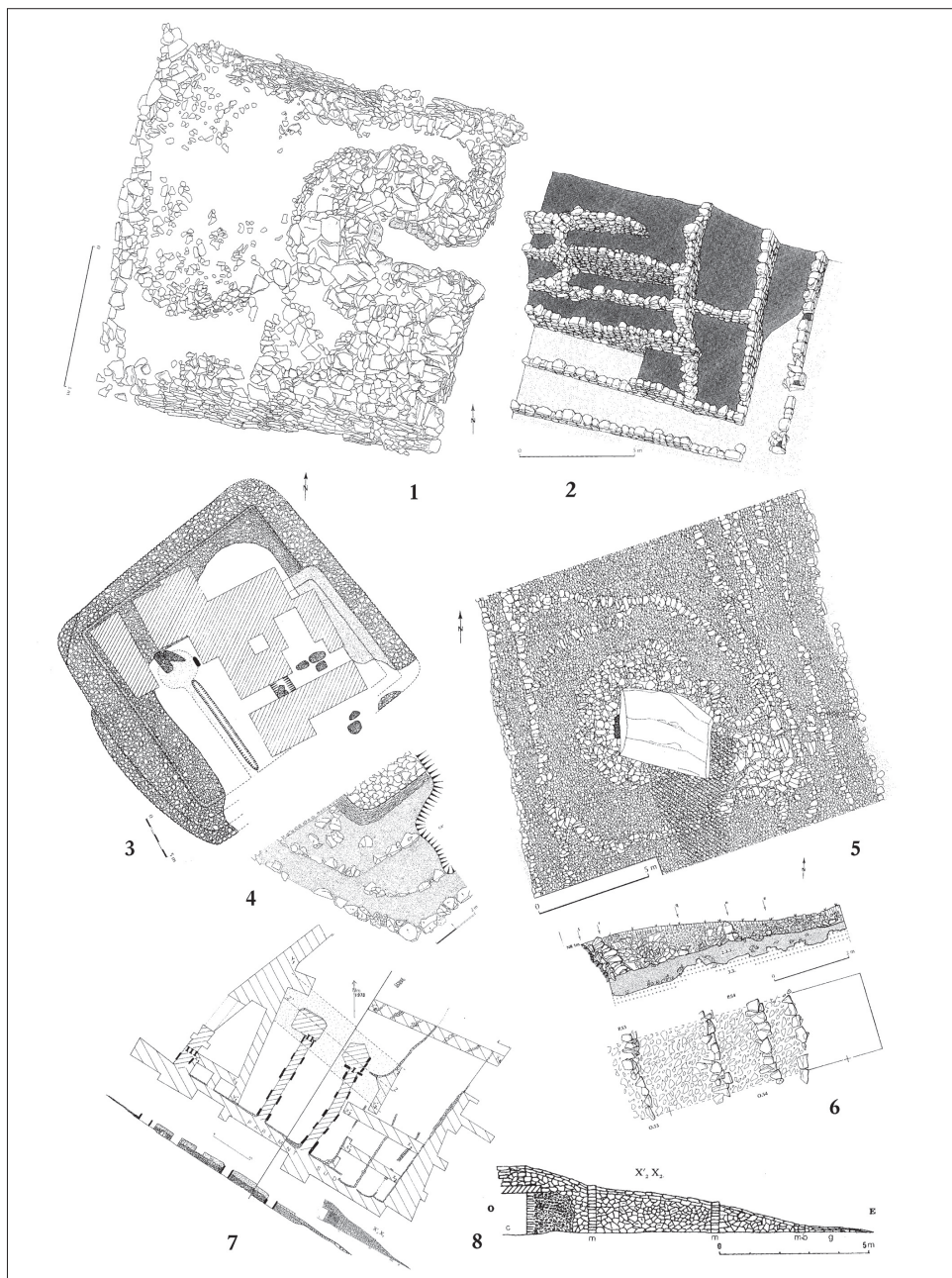


Рис. 13. Курганы среднего неолита Франции со множественными периметральными фасадами: 1, 2 — Péré, курган С (Prissé-la-Charrière, деп. Дё-Севр) (Laporte et al. 2002: fig. 7, 27); 3, 4 — Pey de Fontaine (Bernard, деп. Вандея) (Joussaume 1999: fig. 10, 14); 5, 6 — Er Grah (Loqmarquer, деп. Морбиан) (Le Roux et al. 2006: fig. 47, 50); 7, 8 — Montiou (Sainte-Soline, деп. Дё-Севр) (Germond et al. 1978: fig. 21, 23).

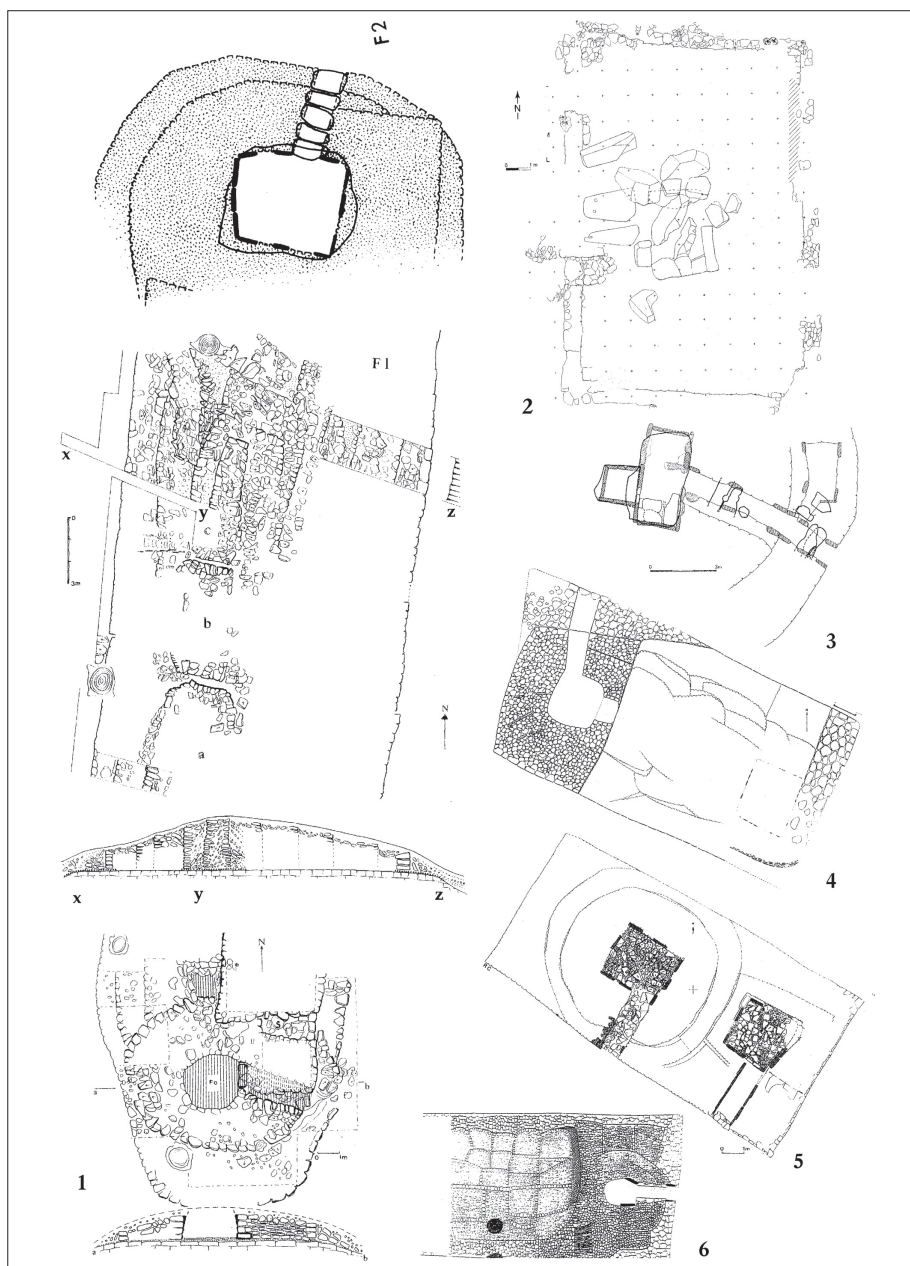


Рис. 14. Курганы среднего неолита со множественными периметральными фасадами из Пуату (середина V — первая половина IV тысячелетия до н. э.): 1 — Vougon (деп. Дё-Севр), курганы F0–F1 (Mohen, Scarre 2002: fig. 39, 49) и F2 (Mégalthisme et Société 1990: fig. 22); 2 — La Grosse Pierre (St.-Radegonde, деп. Приморская Шаранта) (Gachina 1998); 3 — Voixe, курган В (деп. Шаранта) (Mégalthisme et Société 1990: fig. 29); 4–6 — Champ-Châlon, курганы А, В и С (Велон, деп. Приморская Шаранта) (Voüin 1992: 36).

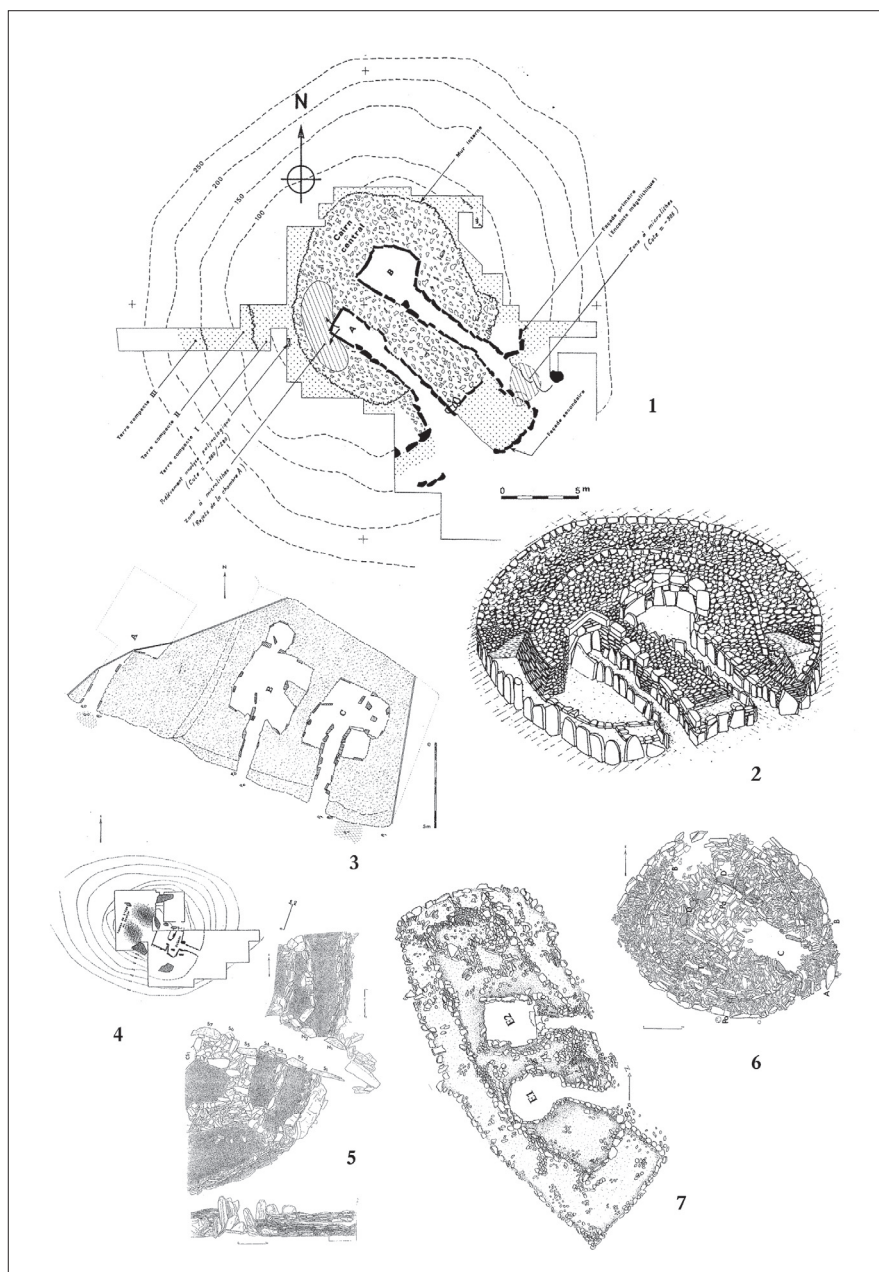


Рис. 15. Курганы среднего неолита Франции со множественными периметральными фасадами (IV тысячелетие до н. э.): 1, 2 — Dissignac (Saint-Nazaire, деп. Атлантическая Луара) (L'Helgouac'h 1976: fig. 2; 1998); 3 — Kerleven (Forêt-Fouesnant, деп. Финистер) (Le Roux 1967); 4, 5 — Château-Vû (Saint-Just, деп. Иль и Вилен) (Le Roux 1995: fig. 12, 17); 6 — Saint-Croix-del-Pierre (Saint-Just, деп. Иль и Вилен) (Le Roux 1995: fig. 58); 7 — Bougon, курган E (деп. Дё-Севр) (Mohen, Scarre 2002: fig. 58).

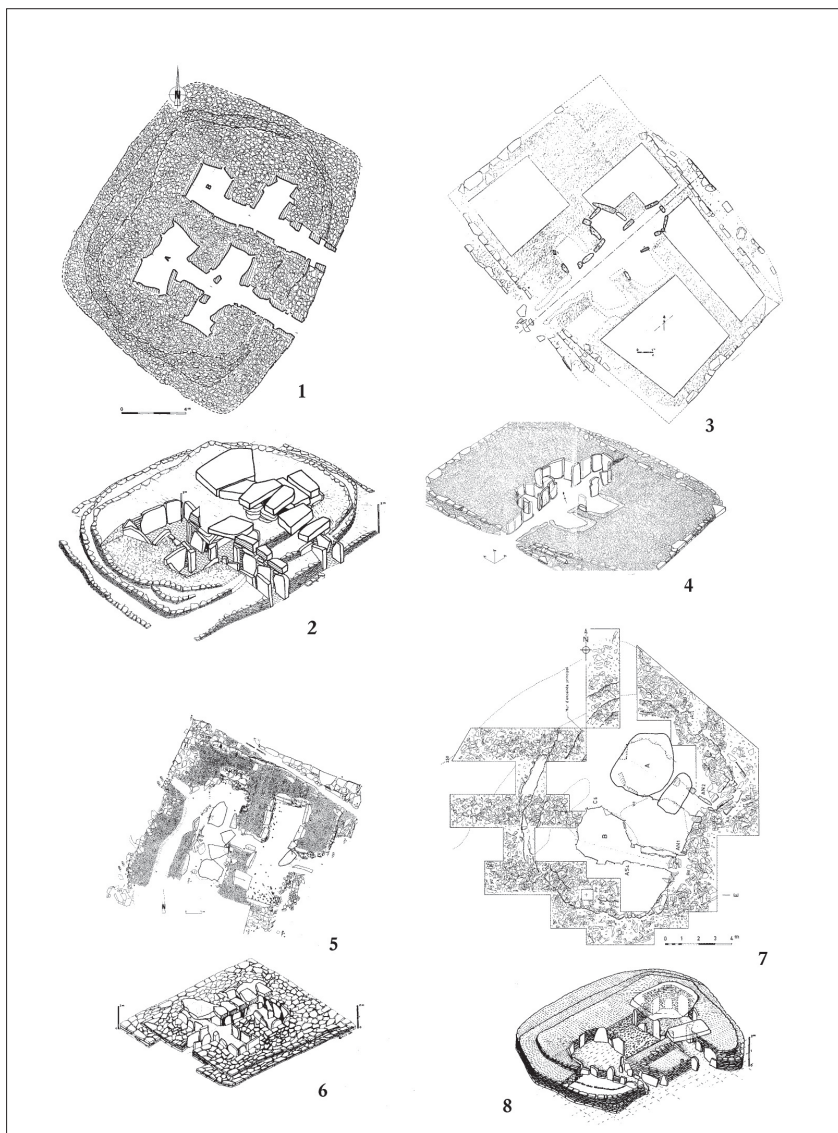


Рис. 16. Курганы среднего неолита Франции со множественными периметральными фасадами (IV тысячелетие до н. э.): 1, 2 — Mousseaux (Pornic, деп. Атлантическая Луара) (L'Helgouac'h, Poulain 1984: fig. 3, 8); 3, 4 — Cruguellic (Plœmeur, деп. Морбиан) (Le Roux, Lecerf 1977: fig. 1; Le Roux 1977: fig. 34); 5, 6 — La Josseliere (Clion-sur-Mer, деп. Атлантическая Луара) (L'Helgouac'h et al. 1989); 7, 8 — cairn 1 de "Min goh Ru" (Larcuste, Colpo, деп. Морбиан) (L'Helgouac'h, Lecornec 1976: fig. 4; L'Helgouac'h 1998: 264).

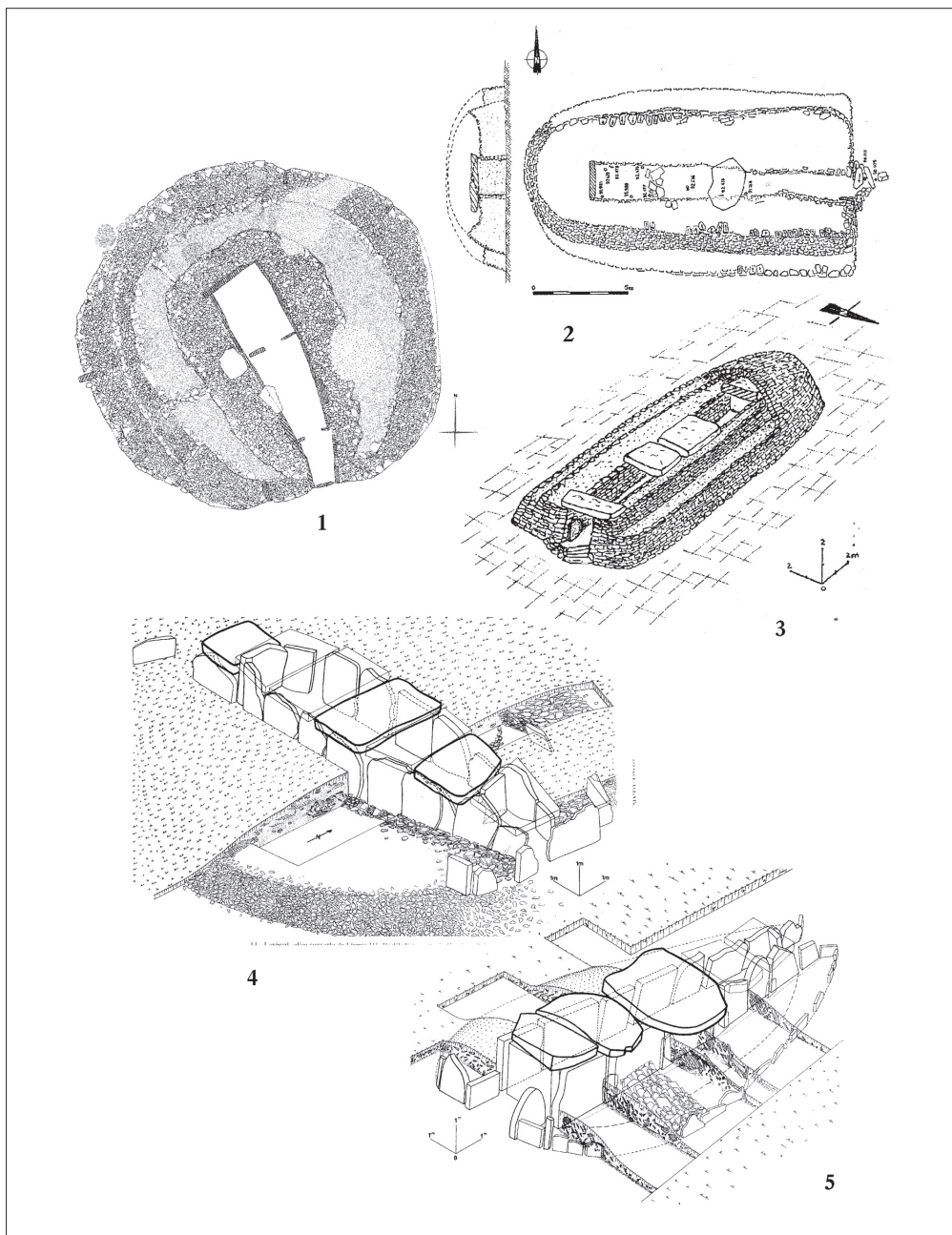


Рис. 17. Галерейные гробницы Франции со множественными периметральными фасадами (поздний неолит, конец IV тысячелетия до н. э.): 1 — Saint-Eugène (Laure-Minervois, деп. Од) (Guilaine 1998: 52); 2, 3 — Bilgriox (Arzon, деп. Морбиан) (Lecornec 1996: fig. 5, 28); 4 — Liscuis III (Laniscat, деп. Кот-Д'Армор) (Le Roux 1977: fig. 14); 5 — Liscuis I (Laniscat, деп. Кот-Д'Армор) (Le Roux 1975: fig. 4).

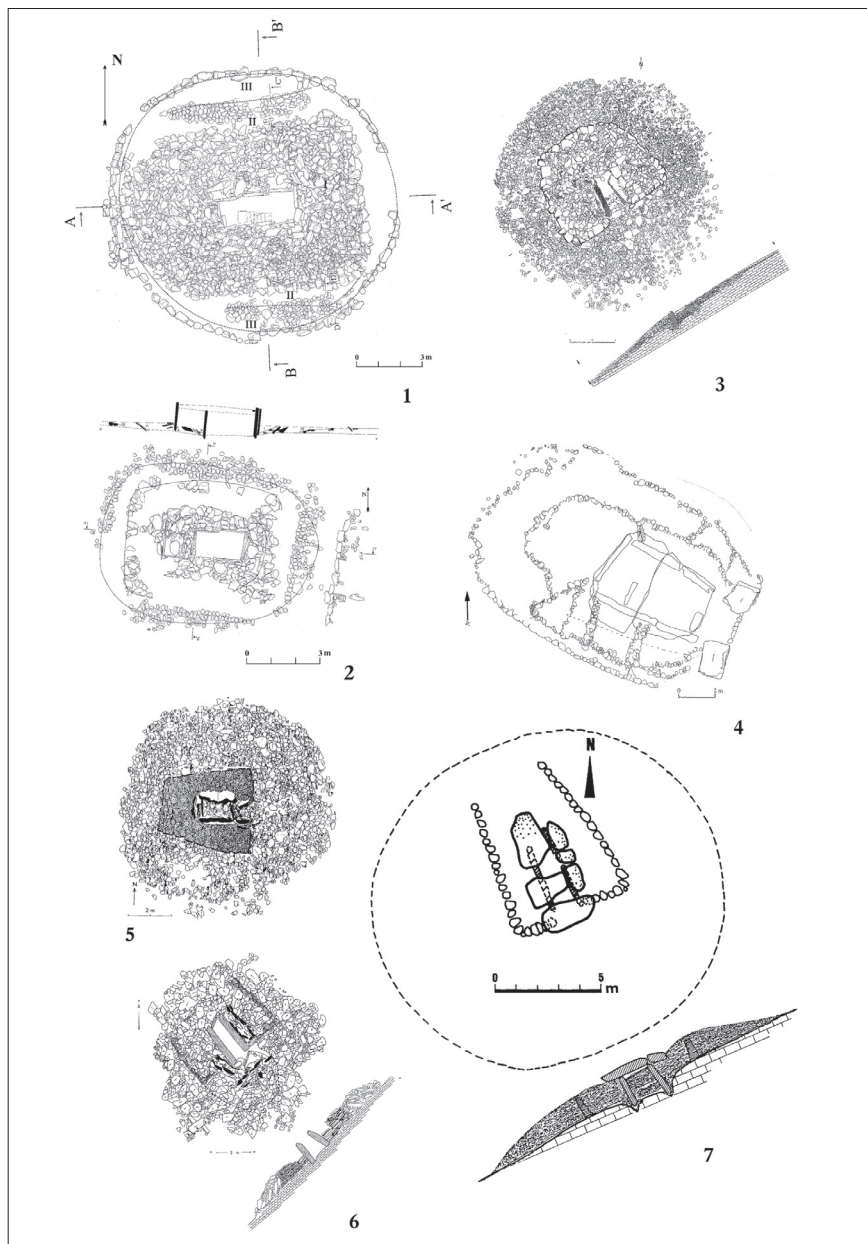


Рис. 18. Чемурчекские курганы (Ховд аймак Монголии): 1 — Ягшийн ходоо 3; 2 — Хэвийн ам 1. «Анжуйские» дольмены и дольмены Кверси с фасадами (начало III тысячелетия до н. э.); 3 — Fourmarène-Nord, дольмен 2 (Montricoux, деп. Тарн и Гаронна) (Mégalithisme et Société 1990: fig. 54); 4 — Taize, дольмен E 134 (деп. Дё-Севр) (Gutherz 1995: fig. 3); 5 — La Ferme du Frau, дольмен 3 (Cazals, деп. Тарн и Гаронна) (Mégalithisme et Société 1990: fig. 58); 6 — Devèze-Sud (Marcilhac-sur-Célé, деп. Лот) (Lagasque et al. 1996: fig. 1); 7 — Verdier (Cariac, деп. Лот) (Mégalithisme et Société 1990: fig. 64).

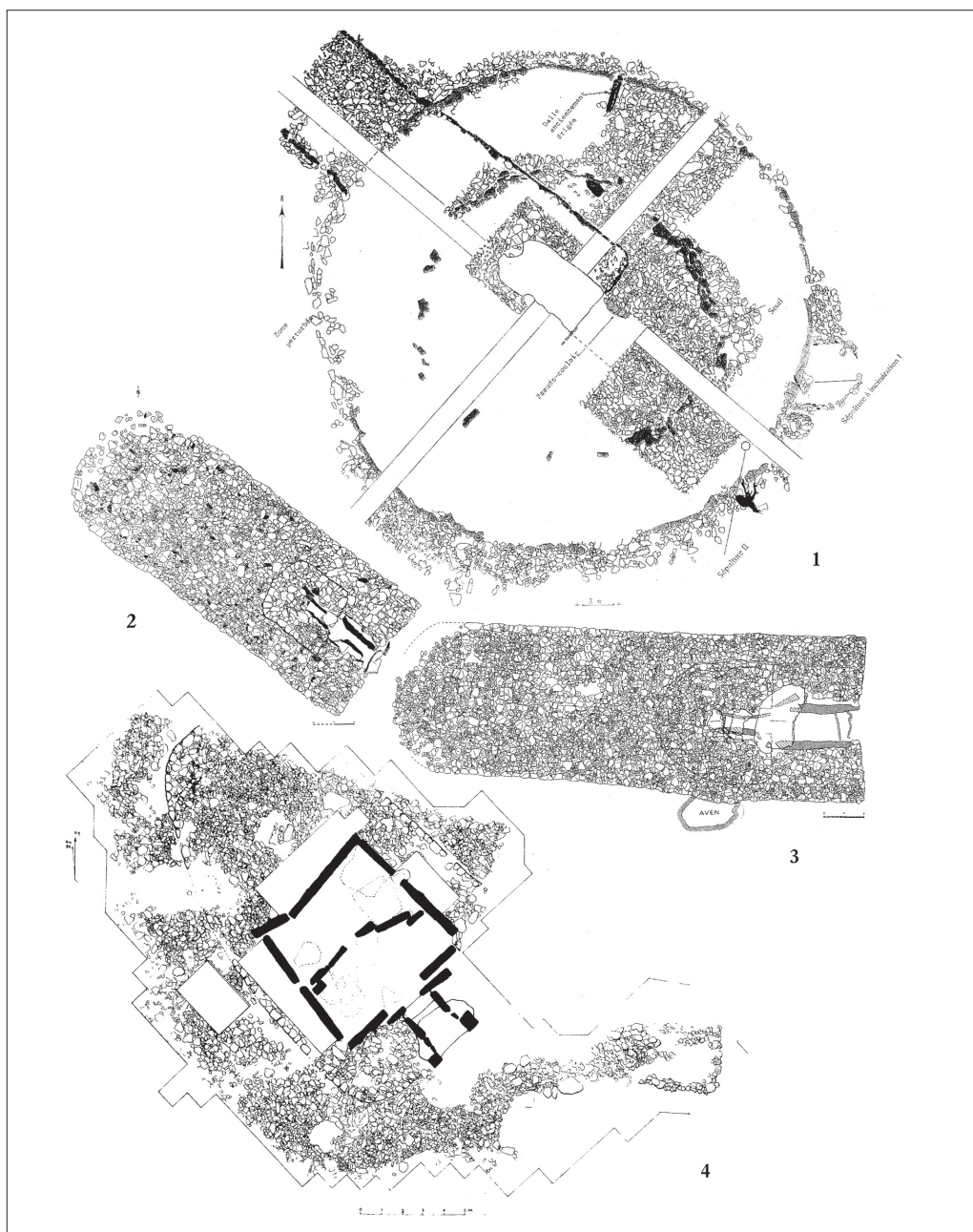


Рис. 19. Дольмены Керси с фасадами (начало III тысячелетия до н. э.): 1 — Aguals (de la Combe de l'Ours) (Géalou-Montbrun, деп. Лот) (Lagasquie et al. 2006: 295); 2 — Rouzet (Larroque, деп. Тарн) (Mégalthisme et Société 1990: fig. 55); 3 — Pech (Saint-Antonin-Noble-Val, деп. Тарн и Гаронна) (Guilaine 1996: 47); 4 — «анжуйский» дольмен La Bajoulière (St. Remy-la-Varenne, деп. Мён и Луара) (Gruet, Passini 1986: fig. 4).

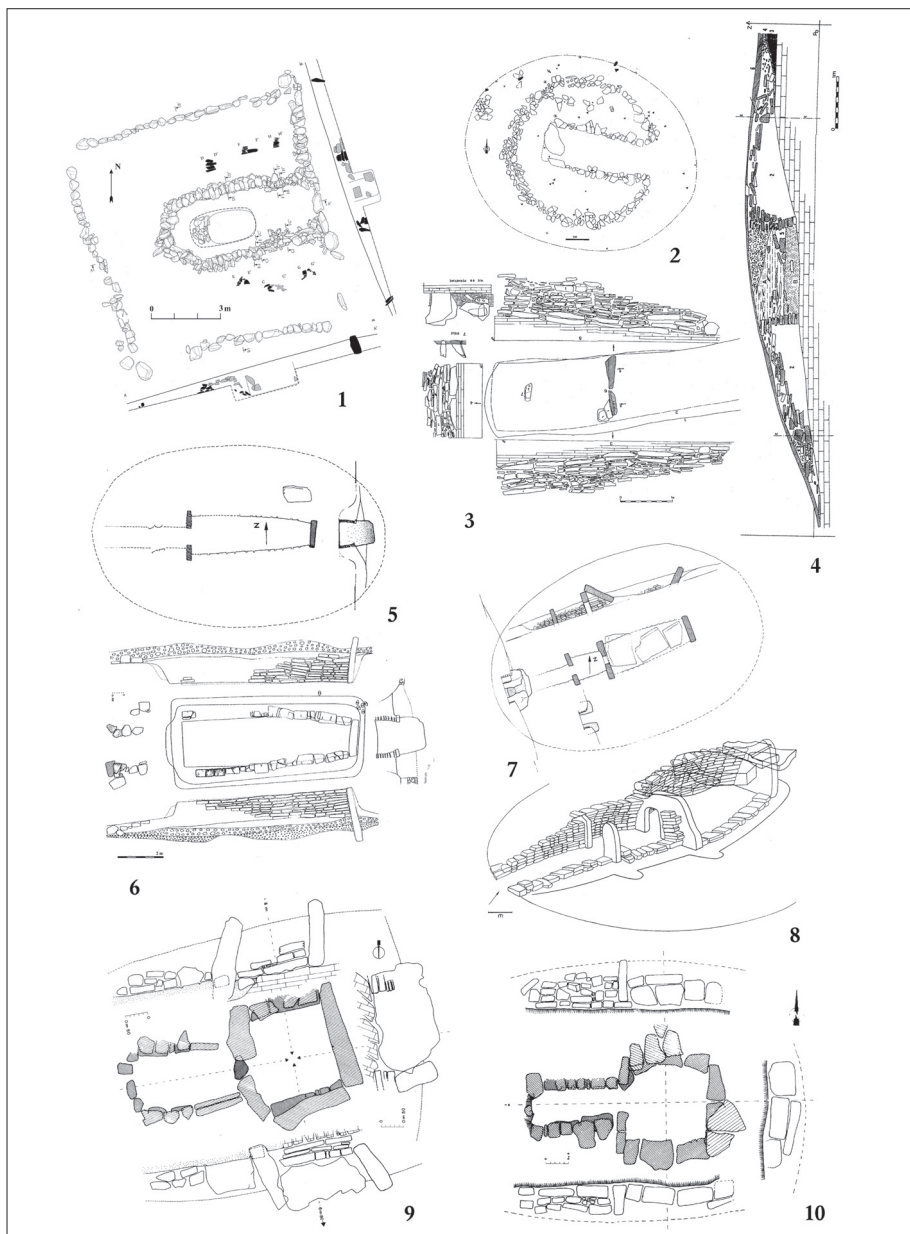


Рис. 20. 1 — Чемурчекский курган Айна-Булак I-3 (Курчумский район Восточно-Казахстанской области, Казахстан). 2–10 — «Камерные гробницы со стенками, выложенными сухой кладкой» из Южной Франции (начало III тысячелетия до н. э.): 2–4 — Souillac (деп. Лот) (Girault 1986: fig. 5, 9, 17); 5, 6 — Coutinargues (Fonteville, деп. Буш-дю-Рон) (Guilaine 1998: 39; Beyneix 2003); 7, 8 — Pouget (деп. Эро) (Guilaine 1998: 40; Mégalithisme et Société 1990: fig. 68); 9 — Peygros (Mons, деп. Вар) (Mégalithisme et Société 1990: fig.69); 10 — Caillassoux (Saint-Vallier-de-Thieux, деп. Приморские Альпы) (Sauzade 1995: fig. 6).

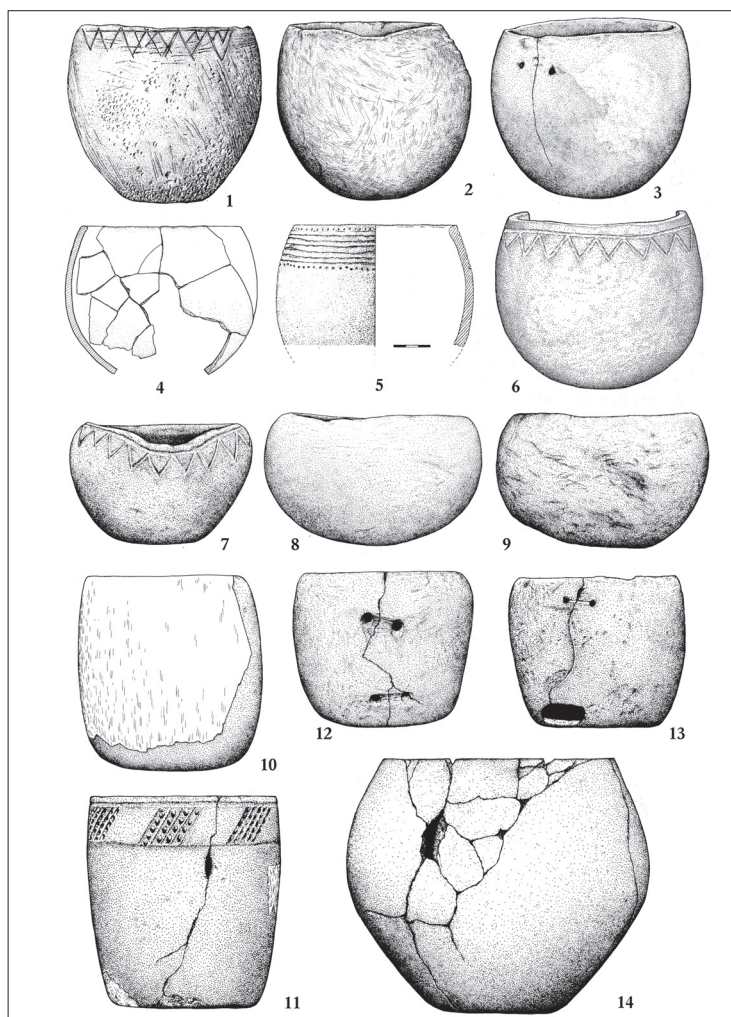


Рис. 21. Чемуручкские каменные (1–3, 7–9, 12, 13) и глиняные (4–6, 10, 11, 14) сосуды (без масштаба): 1 — курган Шар сум I-1 (Ховд сомон, Ховд аймак, Монголия) (Кирюшин и др. 2009: рис. 1); 2 — музей уезда Мулэй (Синьцзян, КНР) (предоставлено Шуй Тао); 3 — каменный ящик m1 кургана M2 «могильника Кээрмуци» (волость Чемуручек, уезд Алтай, Синьцзян, КНР) (Синьцзян шэхуй... 1981: рис. 3); 4 — курган Ягшийн ходоо 1 (Булган сомон, Ховд аймак, Монголия, раскопки МЦАЭ); 5 — курган Улаан худаг II-3 (Ховд сомон, Ховд аймак, Монголия) (Тишкин и др. 2008: рис. 3); 6 — деревня Кусицунь (волость Авэйтань, уезд Алтай, Синьцзян, КНР) (Ван Линьшань, Ван Бо 1996: 20, № 17); 7, 8 — курган Хадаат овоо 1 (Булган сомон, Ховд аймак, Монголия, раскопки МЦАЭ); 9 — курган Хух удзуурийн дугуй I-1 (Булган сомон, Ховд аймак, Монголия, раскопки МЦАЭ); 10 — каменный ящик m1 кургана M2 «могильника Кээрмуци» (волость Чемуручек, уезд Алтай, Синьцзян, КНР, по фото А. А. Ковалева); 11 — каменный ящик m1 кургана M7 «могильника Кэрмуци» (волость Чемуручек, уезд Алтай, Синьцзян, КНР) (Синьцзян шэхуй... 1985); 12 — курган Эрэгнэг уул (Булган сомон, Ховд аймак, Монголия, раскопки МЦАЭ); 13 — курган Хэвийн ам 3 (Булган сомон, Ховд аймак, Монголия, раскопки МЦАЭ); 14 — курган Халдзан удзуур II-4 (Ховд сомон, Ховд аймак, Монголия, раскопки А. А. Тишкина, Д. Эрдэнэбаатара, Ч. Мунхбаяра).

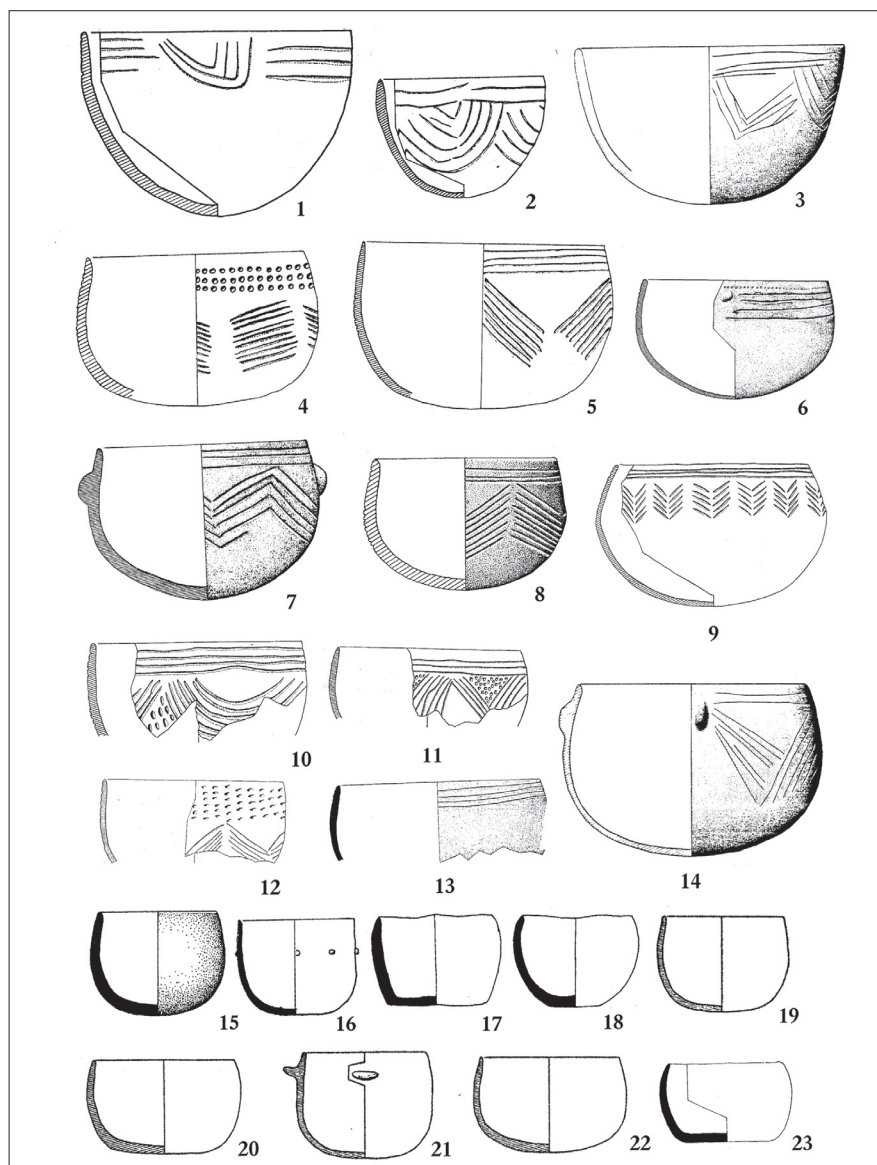


Рис. 22. Керамика культуры Ферьер. 15 — по Вейнеix 2003: 152; 17, 18, 23 — по Roudil, Vincent 1972: fig. 12; остальное по Guthertz 1984.

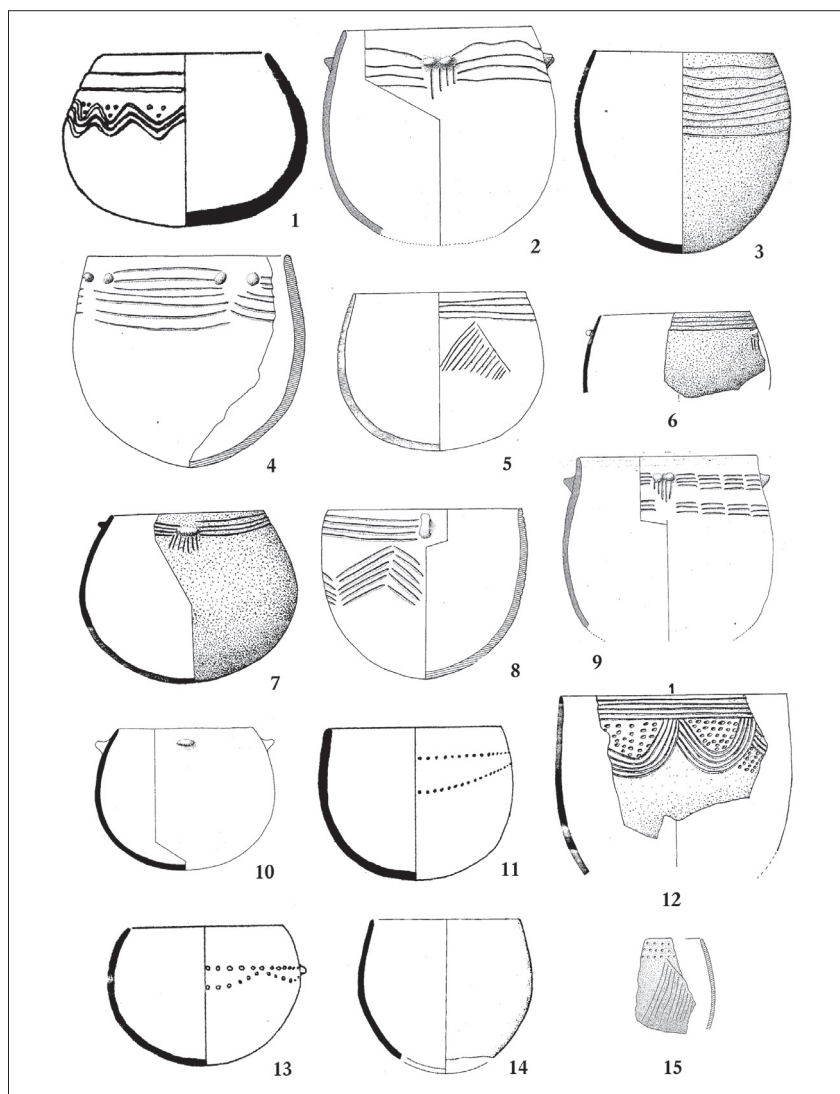


Рис. 23. Керамика культуры Ферьер. 10 — по Roudil, Vincent 1972: fig. 5; 14 — по Georjon, Forest 1999: fig. 17; остальное по Guthertz 1984.

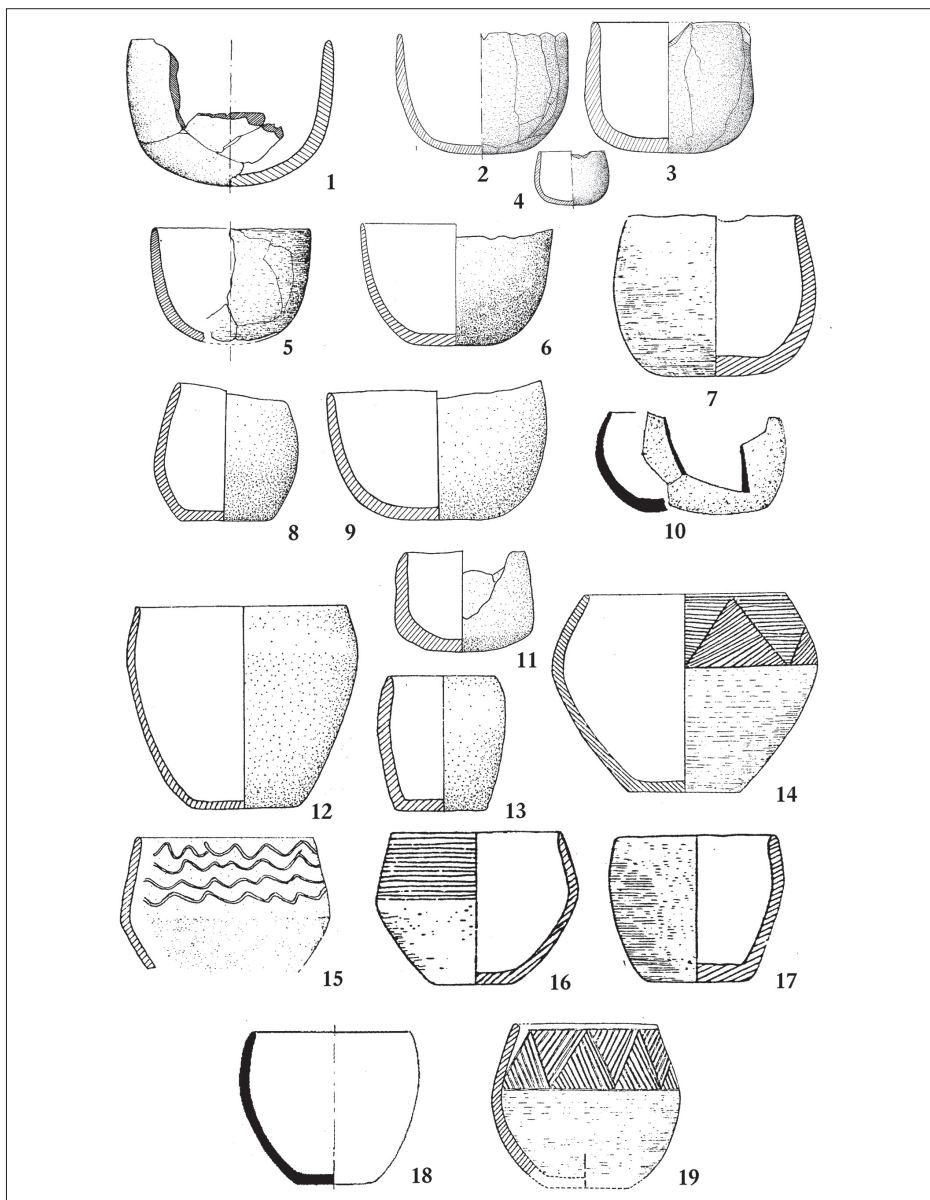


Рис. 24. Керамика позднего неолита Бретани. 1, 5 — Ту-Floc'h (Saint-Thois, деп. Финистер) (Le Roux, Lecerf 1980: fig. 6); 2-4 — Ile Carn (деп. Финистер) (Giot 1987); 10, 18 — галерейная гробница de Bilgroix (Arzon, деп. Морбиан) (Lecornec 1996: fig. 10, 12). Остальное по Polles 1983: 6 — Champ-Grosset (Qesso); 7, 17 — Conguel (Quiberon); 8, 9 — La Ville-Drun (Plestan); 11 — Cercado (Carnac); 12, 13 — Er-Yoh (Houat); 14 — Butten-er-Hah (Groix); 15 — дольмен к югу от Mané-Meur (Quiberon); 16 — Le Rocher (Le Bono); 19 — Port-Blanc (Saint-Pierre-Quiberon).

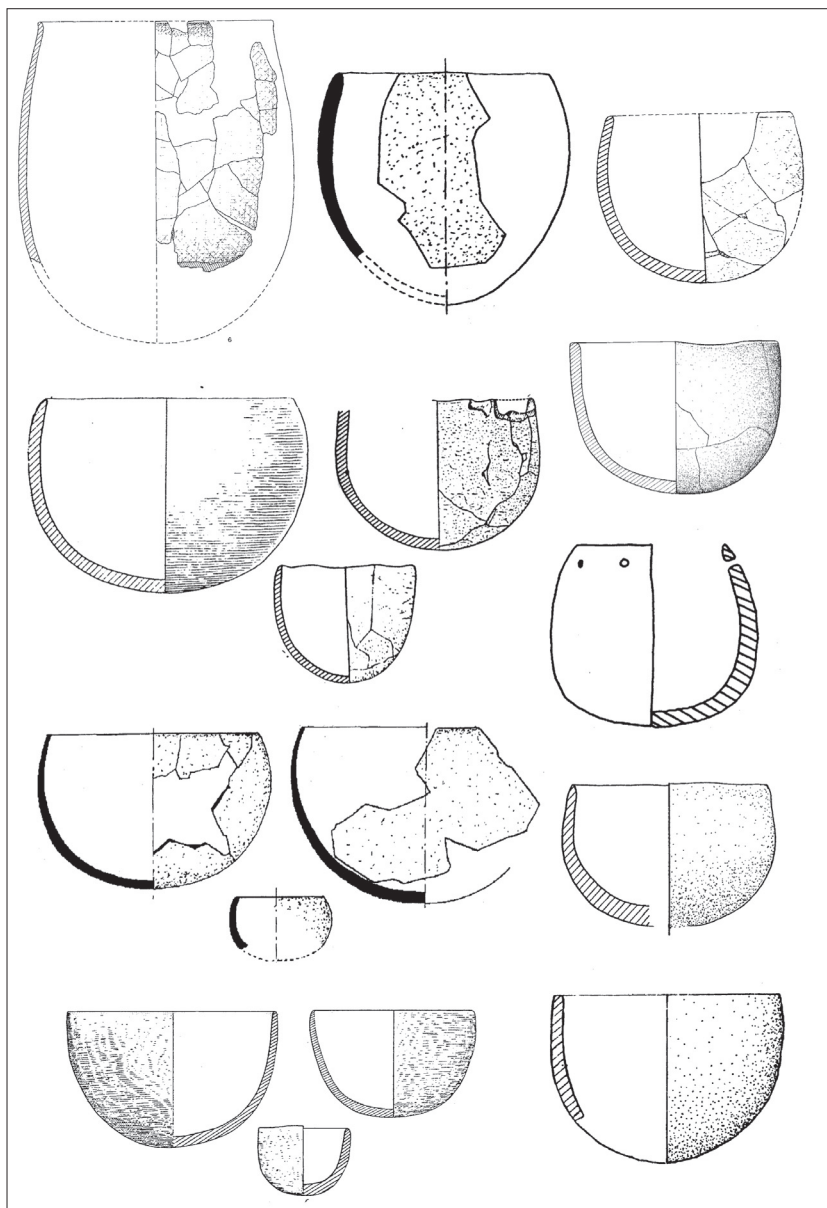


Рис. 25. Керамика позднего неолита Бретани. 1 — Min goh Ru около Larcuste (Colpo, деп. Морбиан) (L'Helgouac'h, Lecornec 1976: fig. 13); 2 — гробница («дольмен») под насыпью 2 кургана Petit-Mont (Arzon, деп. Морбиан) (Lecornec 1994: fig. 27); 3 — Kerleven (Forêt-Fouesnant, деп. Финистер) (Le Roux, L'Helgouac'h 1967); 7 — Barnenez (Plouézoch, деп. Финистер) (Giot 1987); 8 — Men-ar-Romped (Lannou, деп. Кот-Д'Армор) (Marchat 1989); 9–11 — галерейная гробница Bilgroy (Arzon, деп. Морбиан) (Lecornec 1996: fig. 13, 16). Остальное по R. Polles 1983: 4–6 — Qrec'h-quillé (Saint-Quay-Perros); 12 — Bilgroeze (Arzon, деп. Морбиан); 13–15 — Conguel (Quiberon); 16 — Er-Yoh (Houat).

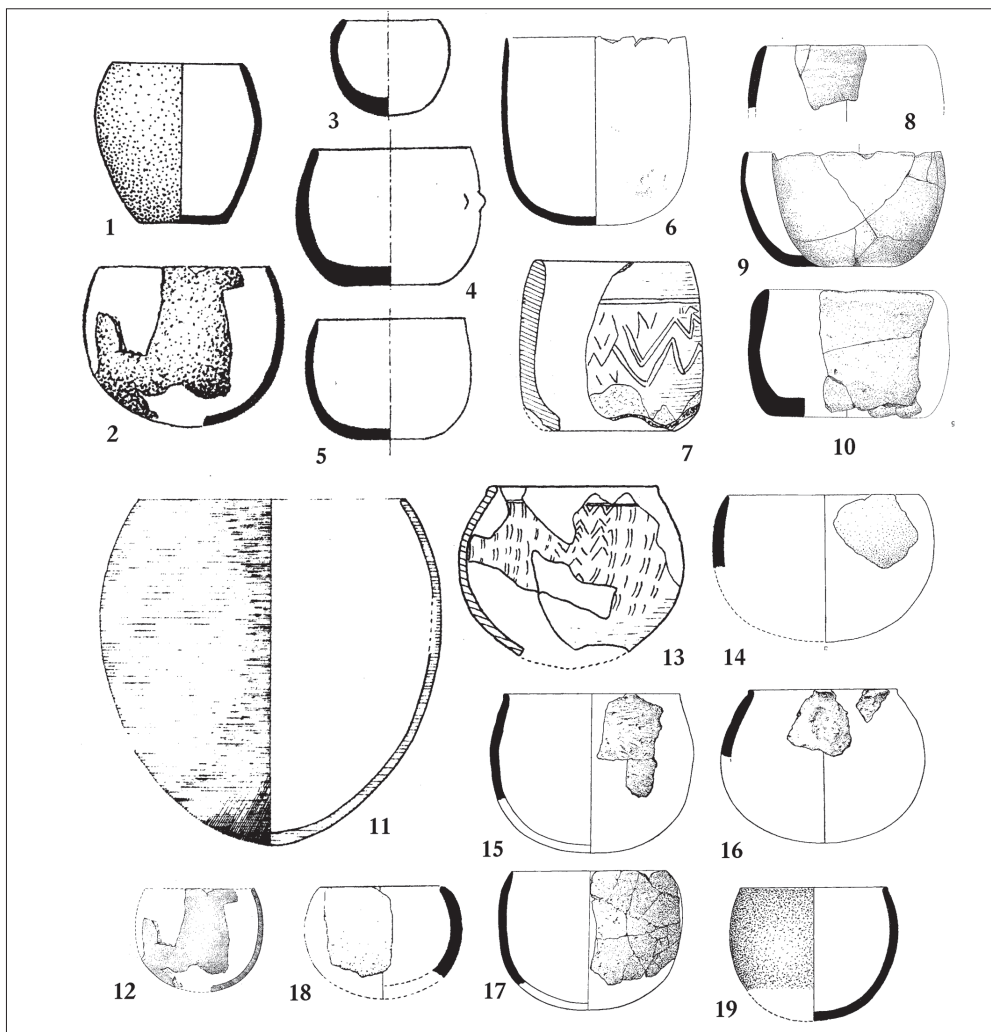


Рис. 26. Керамика среднего и позднего неолита Пуату и Южных Пиренеев. 1 — Monpalais, дольмен E 136 (Taize, деп. Дё-Севр) (Joussaume, Pautreau 1990: 327); 2 — грот Bellefonds (деп. Вьенна) (Joussaume, Pautreau 1990: 329); 3–5 — дольмены Chenon (деп. Шаранта) (3, 4 — дольмен A1, 5 — дольмен A6) (Gauron, Massaud 1983: fig. 45); 6 — Fontréal (Castelnau-d'Estrétefonds, Верхняя Гаронна) (Ponts et al. 2004); 7 — Peu-Richard (Thénac, деп. Приморская Шаранта) (Burnez 1971: pl. 109); 8–10 — Saintonge (деп. Шаранта) (Fischer et al. 2007: fig. 1, 2, 9); 11, 12 — Abri de Bellefonds (Patte 1971: fig. 14); 13 — Chaillot à la Jard (деп. Приморская Шаранта) (Burnez 1971: pl. 109); 14 — Pey de Fontaine (Bernard, деп. Вандея) (Joussaume 1999: fig. 29); 15, 16, 17 — Roquefort (деп. Приморская Шаранта) (Roussot-Laroque 1986); 18 — Le Camp des Prises (Mâchekoul) (Polles 1983: fig. 36); 19 — La Ciste des Cous (Bazoges-en-Pareds, деп. Вандея) (Joussaume 1978: fig. 8).

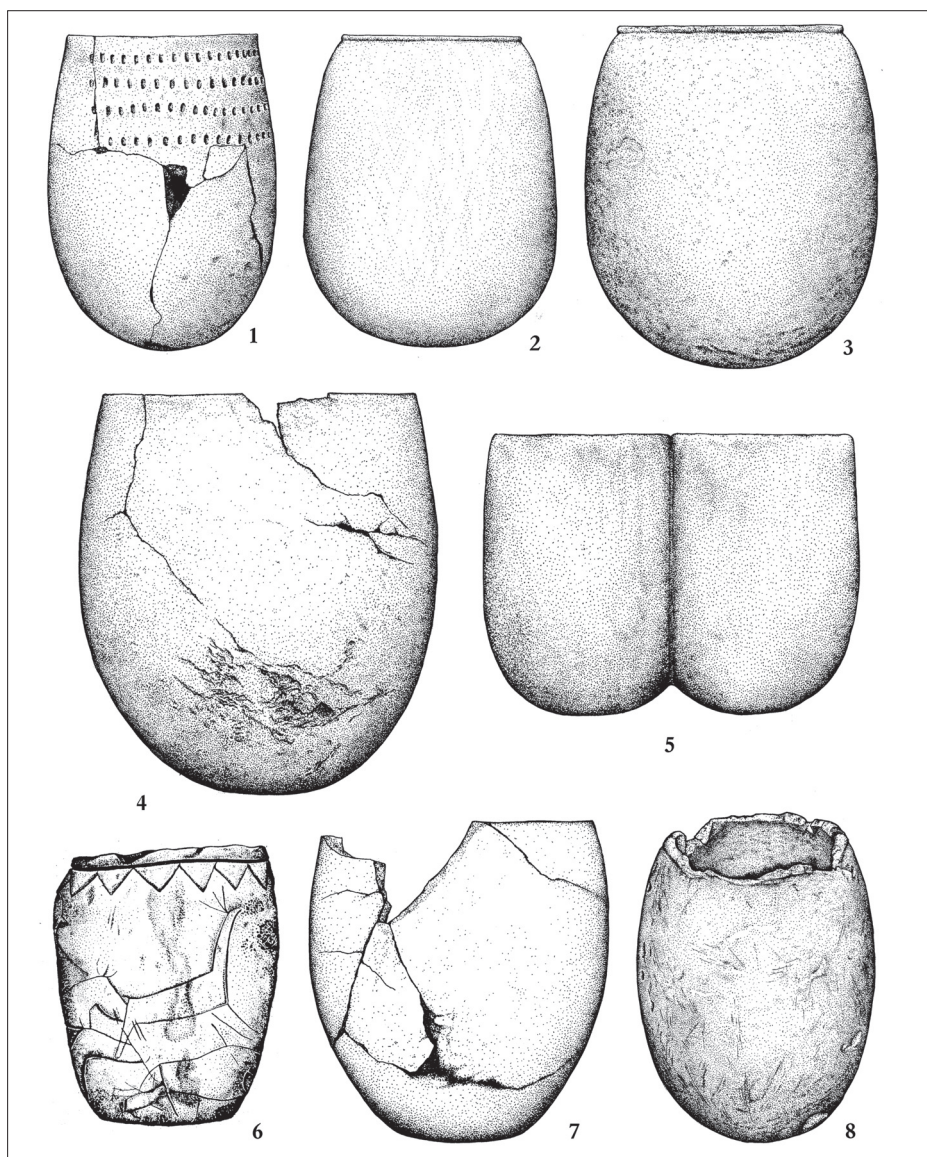


Рис. 27. Чемуручкские каменные (2, 3, 5, 6, 8) и глиняные (1, 4, 7) сосуды. 1, 3 — в ограде кургана М16 «могильника Кээрмуци» (волость Чемуручек, уезд Алтай, Сынцзян, КНР) (1 — по Сынцзян шэхуй... 1985, 3 — по фото А. А. Ковалева); 2 — каменный ящик m2 кургана М7 «могильника Кээрмуци» (волость Чемуручек, уезд Алтай, Сынцзян, КНР) (по фото А. А. Ковалева); 4 — курган Хадаат овоо 1 (раскопки МЦАЭ); 5 — каменный ящик кургана М3 «могильника Кээрмуци» (волость Чемуручек, уезд Алтай, Сынцзян, КНР) (по Сынцзян шэхуй... 1985); 6 — Лаптев Лог (Угловский район Алтайского края) (Кирюшин, Симонов 1997); 7 — курган Улаан худаг I-12 (Ховд сомон, Ховд аймак, Монголия) (раскопки А. А. Тишкина, С. П. Грушина, Ч. Мунхбаяра); 8 — музей уезда Ханаси (Сынцзян, КНР) (предоставлено Шуй Тао).

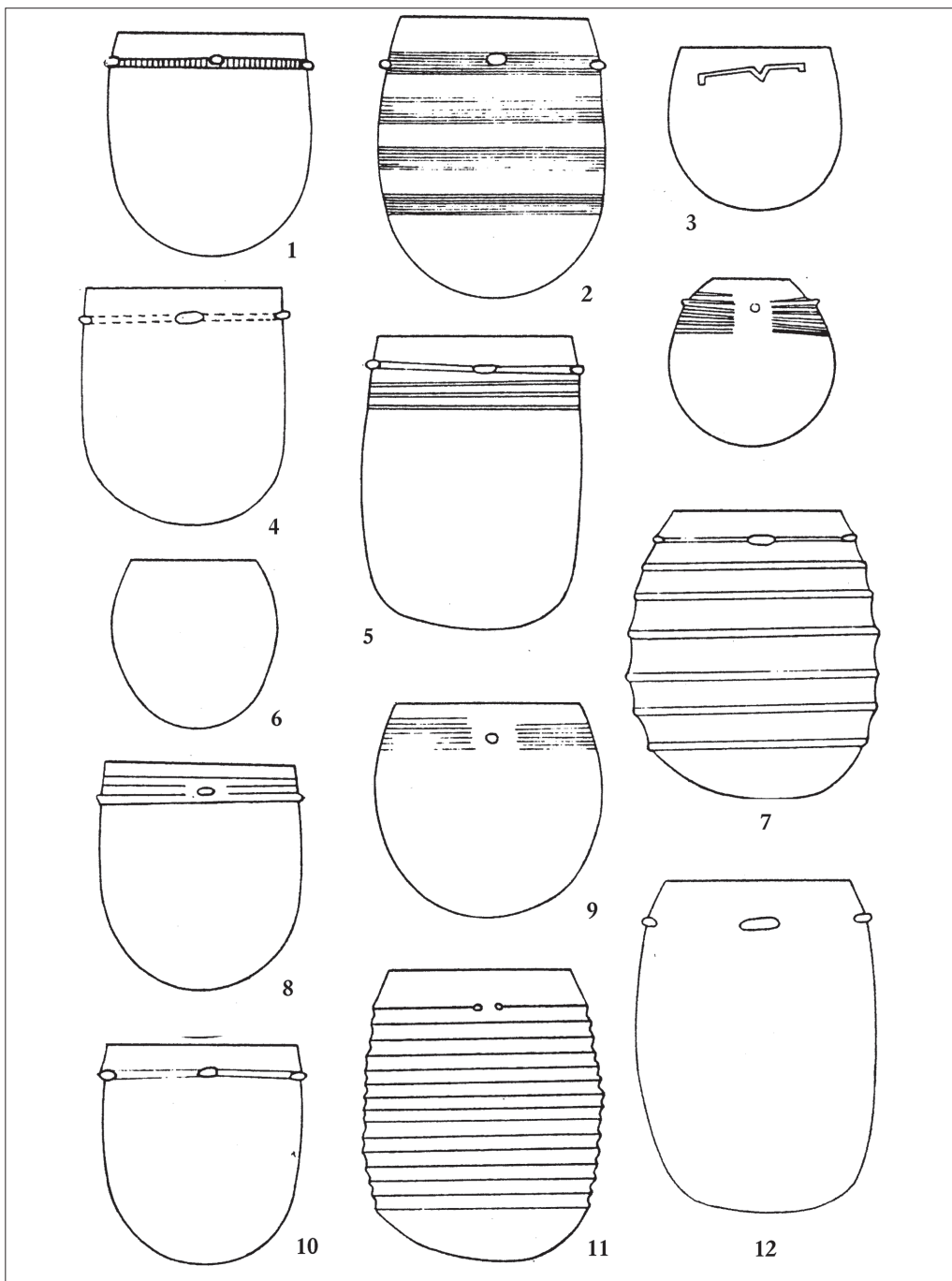


Рис. 28. Керамика культуры Ферьер из долины Ардеш (деп. Гар). По Guthertz 1984.

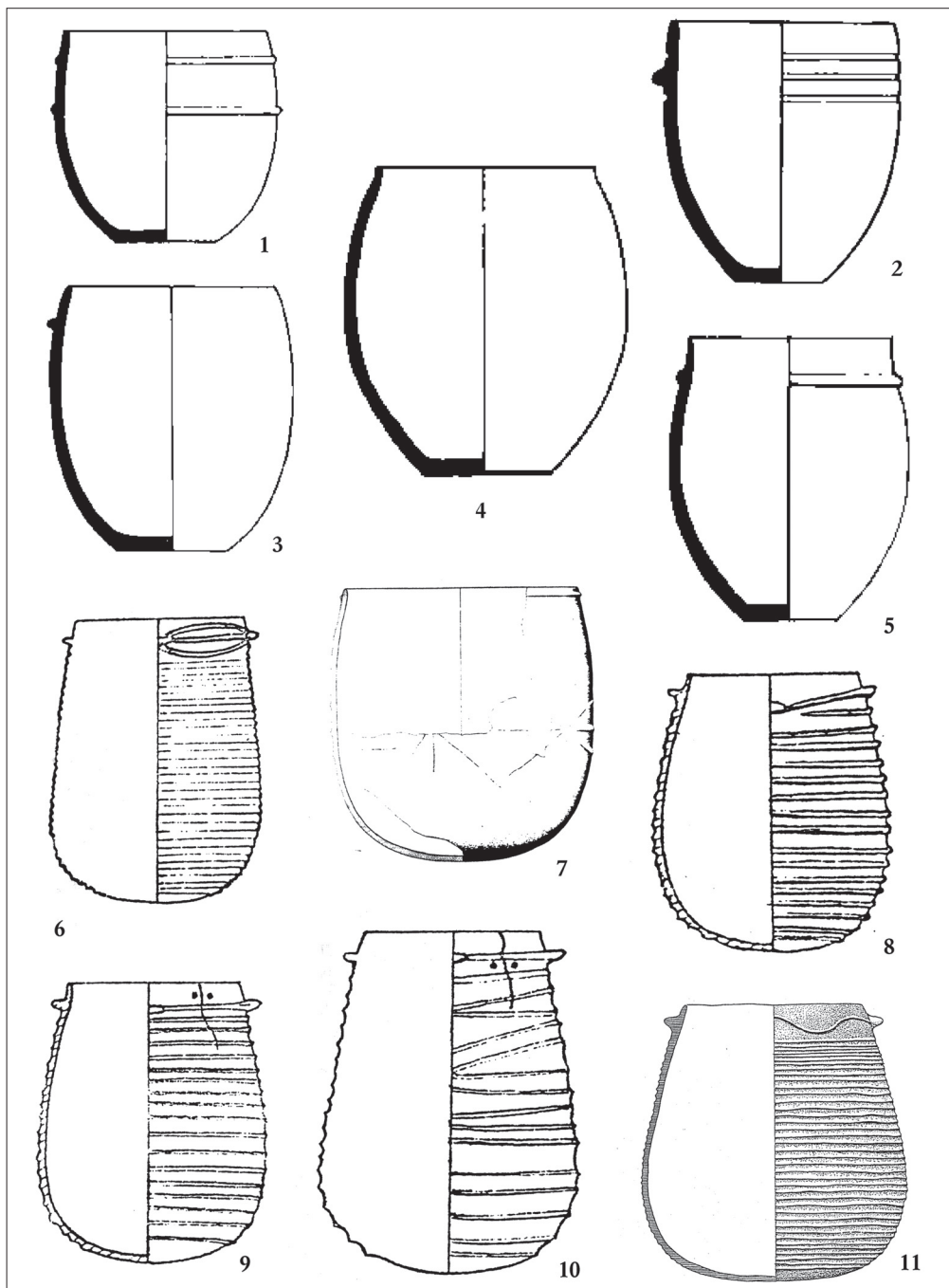


Рис. 29. Стоянка La Perte du Cros (Saillac, деп. Лот): 1 — глиняный сосуд из слоя II; 2–5 — керамика из слоя I (Galan 1967); 6–11 — керамика культуры Ферьер (Gutherz 1984).

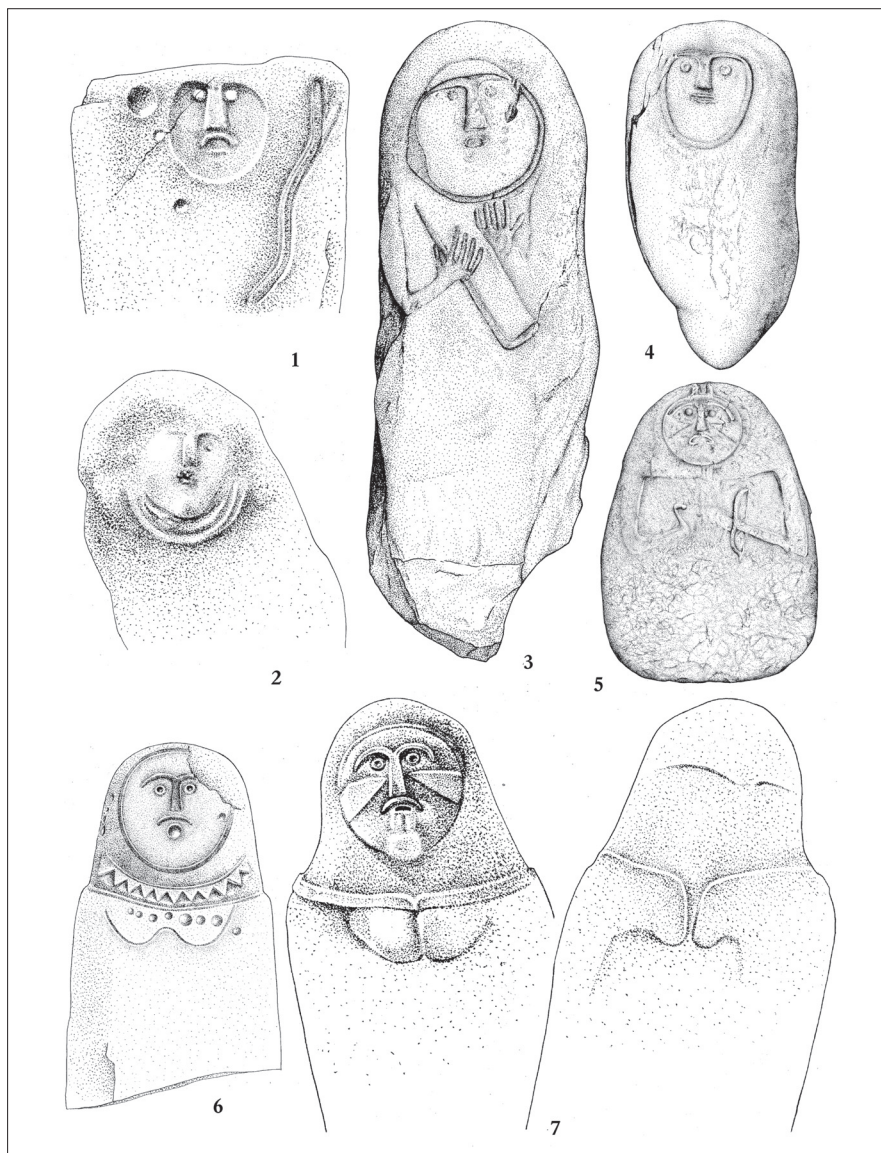


Рис. 30. Чемурчекские каменные статуи. 1, 2 — Канатас, с восточной стороны от кургана с квадратной оградой (волость Чемурчек, уезд Алтай, Синьцзян, КНР); 3 — из коллекции музея города Алтай (уезд Алтай, Синьцзян, КНР); 4 — около кургана с каменным ящиком (булганского типа?) на молочной ферме уезда Фуюнь (Синьцзян, КНР); 5 — Ягшийн ходоо 3 (Булган сомон, Ховд аймак, Монголия, с восточной стороны от кургана «булганского типа»); 6 — Кайнарл 2 № 2, с восточной стороны раскопанного в 1963 г. кургана М2 «могильника Кэрмуци» (волость Чемурчек, уезд Алтай, Синьцзян, КНР); 7 — Кайнарл 1 (Кэрмуци 6 по нумерации Ли Чжэна), с восточной стороны от кургана с квадратной оградой (волость Чемурчек, уезд Алтай, Синьцзян, КНР). 1–3, 5–7 — по фотографиям и этампажам А. А. Ковалева; 4 — по Ван Линьшань, Ван Бо 1996.

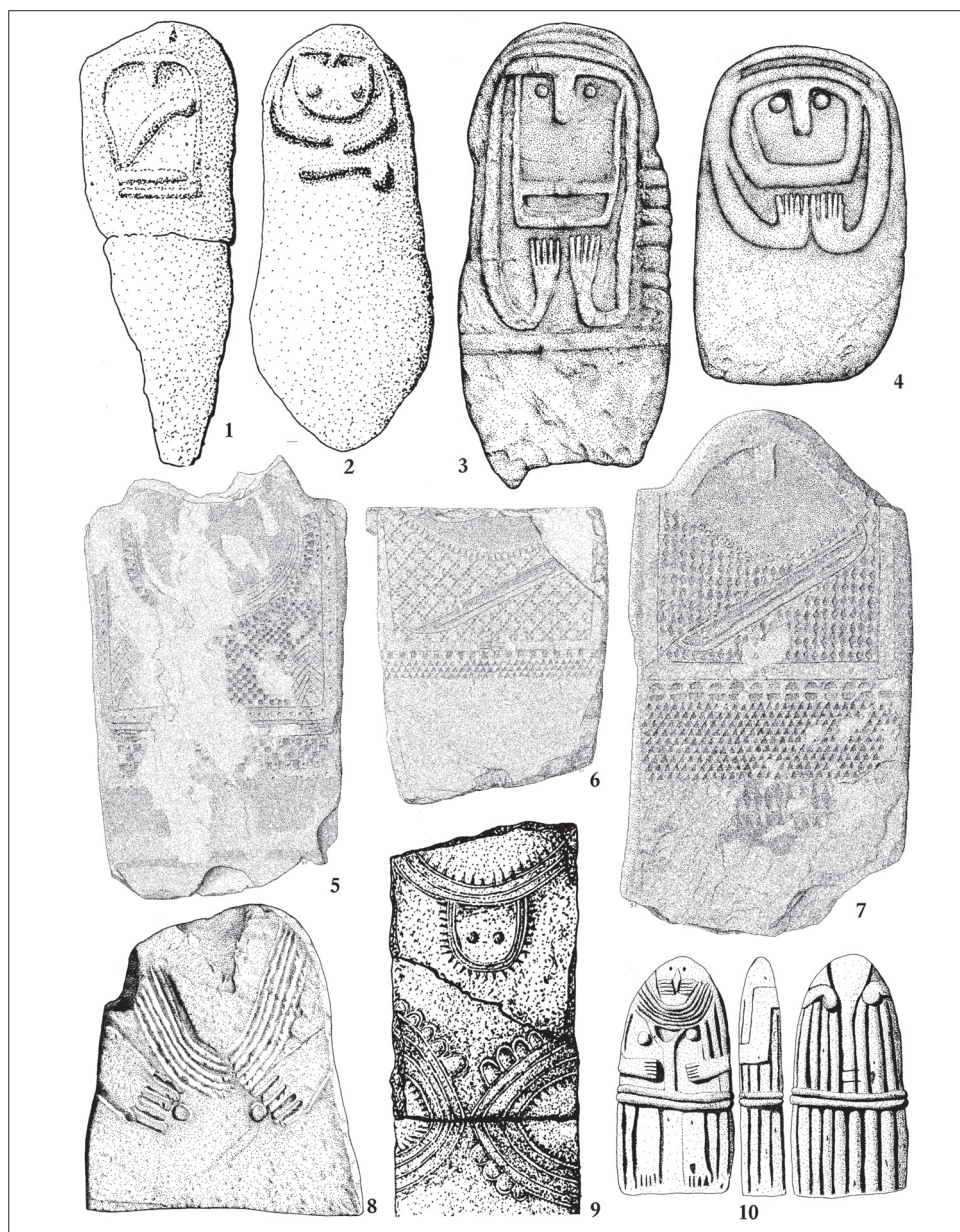


Рис. 31. Каменные статуи из Западной Европы (начало III тысячелетия до н. э.): 1 — Aven Meunier I (деп. Гар, Франция) (D'Anna 1977: fig. 27); 2 — Collorgues I (деп. Гар) (D'Anna 1977: fig. 26); 3 — Maison-Aube (Montagnac, деп. Гар) (D'Anna 2002: 168); 4 — Candelaire (St. Bénézet, деп. Гар) (D'Anna et al. 1996: fig. 4); 5–7 — Petit-Chasseur (Sion, кантон Вале, Швейцария), стелы № 10, 20 (южная сторона), 25 (Corboud 2009); 8 — Crais (Brousse-le Château, деп. Аверон) (Serres 2002: 69); 9 — Passanant (Таррагона) (Cura-Morera, Castells 1977: fig. 9); 10 — La Dame de Saint-Sernin (Saint-Sernin-sur-Rance, деп. Аверон) (D'Anna 1977: fig. 14).

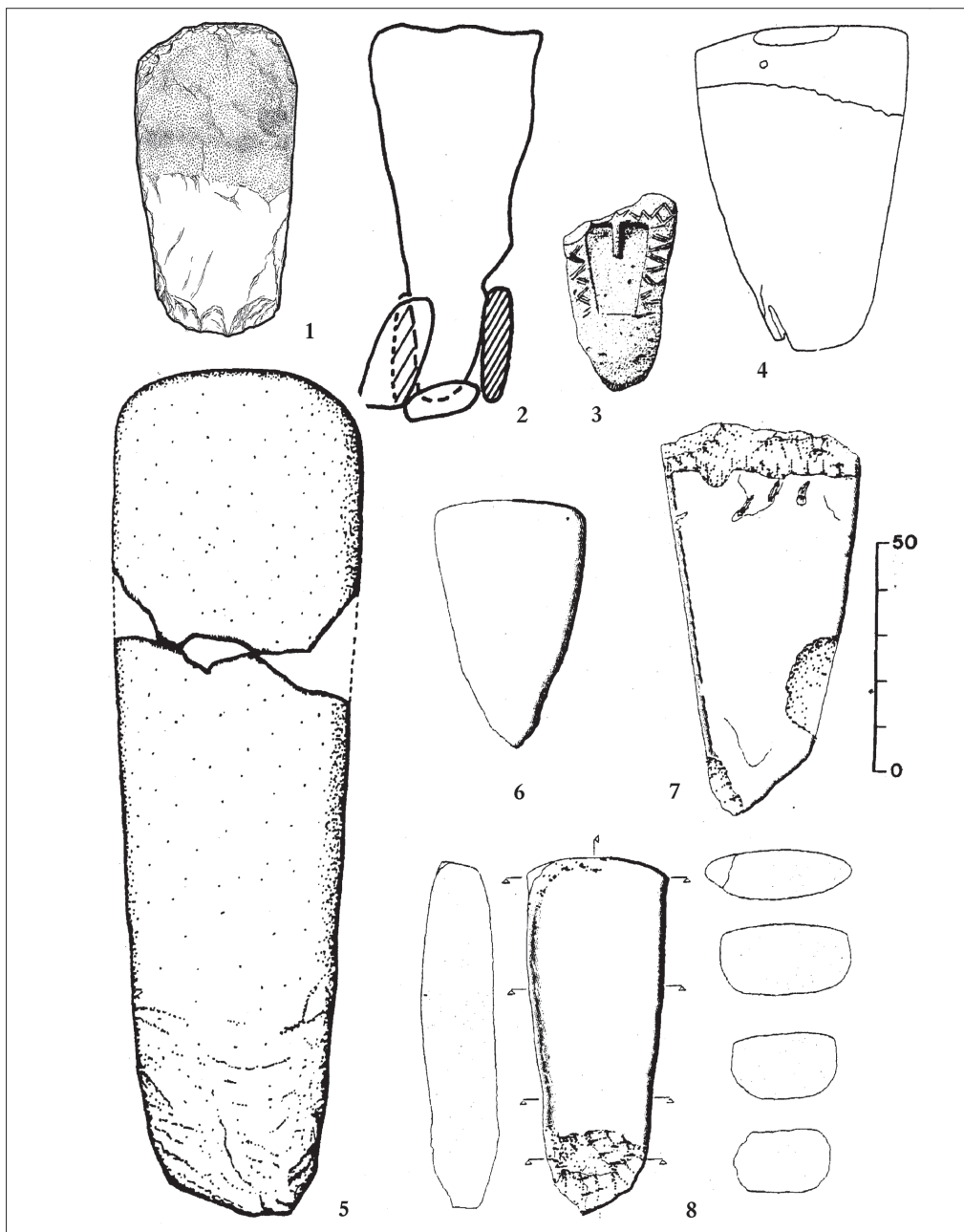


Рис. 32. 1 — стела, окрашенная охрой, из кургана Кара-тумсик (Уланхус сомон, Баян-Ульги аймак, Монголия); 2–8 — стелы позднего неолита Южной Франции (Jallot 1998: fig. 2): 2 — дольмен Rat (Saint-Sulpice, деп. Лот); 3 — Mont-Sauvy (Orgon, деп. Воклюз); 4 — дольмен Pouget (деп. Эро); 5 — менгир Col de Peire-Plantade (Prémian, деп. Эро); 6–8 — могильник Château-Blanc (Ventabren, деп. Буш-дю-Рон).

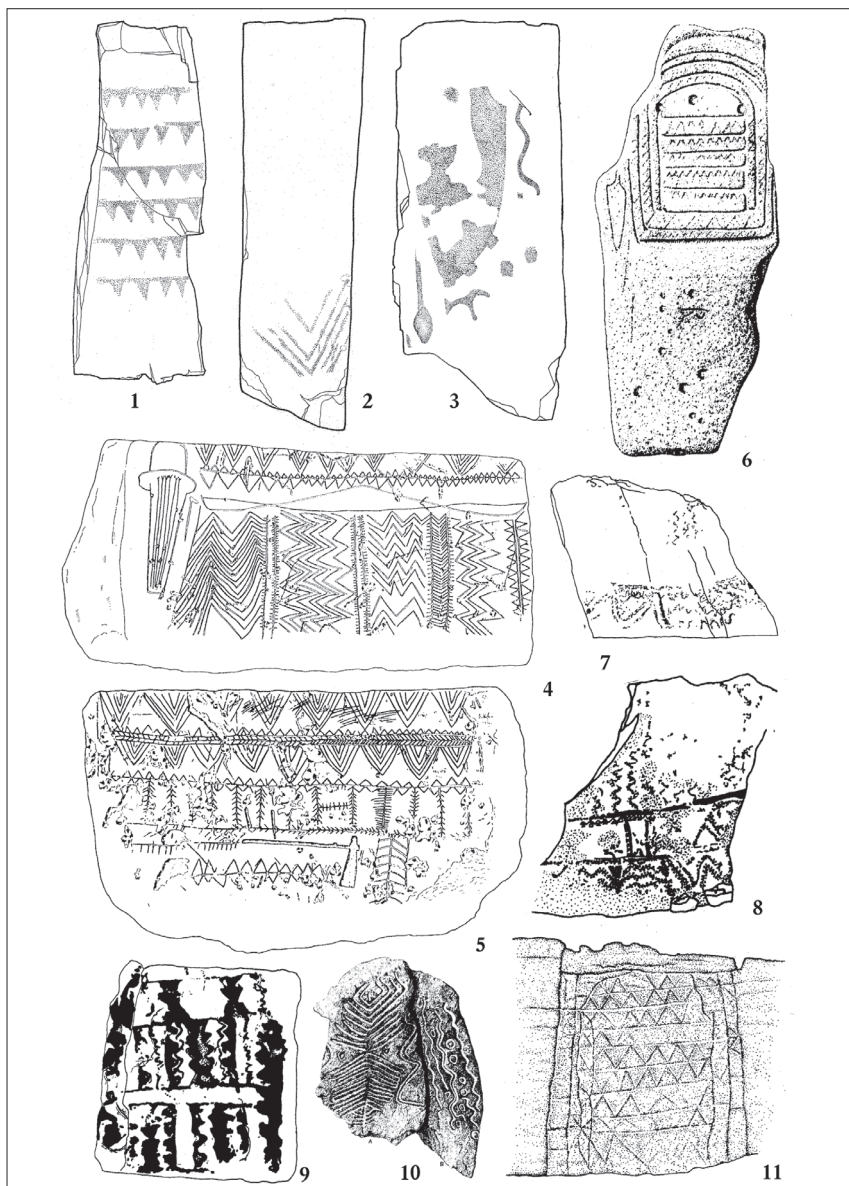


Рис. 33. 1–3 — рисунки красной охрой на плитах гробницы кургана Ягшийн ходоо 3 (Булган сомон, Ховд аймак, Монголия); 4–11 — изображения на мегалитических сооружениях Западной Европы; 4–5 — гробница из Göhlitzsch (Leuna, земля Саксония-Антхальт, Германия) (Müller 1996: fig. 2, 5); 6 — стела из Sejos (Кантабрия, Испания) (Bueno Ramirez, Balbín Behrmann 1998: fig. 7); 7–8 — плиты гробниц из Галиции (Испания) (Rodríguez Casal 1990: 129); 9 — гробница Pedralta (Cota) (concelho Viseu, округ Визеу, Португалия) (Leisner 1998: Taf. 17); 10 — гробница Serém de Cima (concelho Sever do Vouga, округ Авейро, Португалия) (Leisner 1998: Taf. 26); 11 — стела из Garabandal (Кантабрия, Испания) (Bueno Ramirez, Balbín Behrmann 1998: fig. 8).